

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МАТТИАС ЭДВАРДССОН

НЕ САМЫЕ ХОРОШИЕ СОСЕДИ

Как обычно, Маттиас крутит и меняет порядок в мире. Что такое безопасность? Где тонкая грань между добром и злом? Насколько хорошо вы знаете своих соседей? И что происходит, когда угроза проникает в ваш собственный дом?

Smålandsposten (SE)

Маттиас Эдвардссон
Не самые хорошие соседи
Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65086636

Не самые хорошие соседи:

ISBN 978-5-389-19314-7

Аннотация

Бьянка и Микаэль переезжают из Стокгольма в небольшой шведский городок, чтобы с чистого листа начать новую жизнь в доме своей мечты. Тихое, уединенное место, чудесный сад, в котором играют их дети, уютный дворик... Но довольно скоро идиллическая картина счастливой семейной жизни покрывается паутиной трещин и затем рушится в одночасье, а жизнь семьи раскалывается на две части: до катастрофы и после... «Не самые хорошие соседи» – психологический триллер о тонкой грани между добром и злом, в котором Эдвардссон, как и в романе «Почти нормальная семья», вновь ставит вопросы, на которые нет однозначного ответа. Насколько вы честны с теми, кто вас окружает? Хорошо ли вы знаете друг друга? И насколько вы можете друг другу доверять?

Впервые на русском языке!

Содержание

1. Микаэль	5
2. Микаэль	10
3. Микаэль	17
4. Микаэль	22
5. Микаэль	31
6. Микаэль	35
7. Жаклин	42
8. Жаклин	51
9. Жаклин	57
10. Микаэль	66
11. Микаэль	72
12. Фабиан	80
13. Жаклин	84
14. Жаклин	88
15. Жаклин	91
16. Микаэль	94
17. Микаэль	98
18. Микаэль	105
19. Фабиан	108
20. Жаклин	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Маттиас Эдвардссон

Не самые хорошие соседи

Это роман.

Любое сходство с реальными соседями или жилыми районами случайно

Good fences make good neighbors.

Robert Frost¹

© А. Лавруша, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

Издательство АЗБУКА®

1. Микаэль

После катастрофы

Пятница, 13 октября 2017 года

Я открываю дверь и тут же слышу сирену. Слоняющиеся на школьном дворе ученики, заметив меня, машут руками:

– Хороших выходных!

Закрепляю спортивную сумку на багажнике, ноутбук в чехле кладу в переднюю корзину. Через минуту я уже в туннеле под «большой» дорогой, отпускаю педали, и ветер обдувает мне лицо. На краю тротуара сидят две подружки Беллы по детскому саду. Прикрывая ладонями рты, они ухают, как совы. Звук отражается в туннеле эхом, и девчонки хохочут.

На подъеме мышцы ноют от напряжения, но я сбавляю скорость, только когда меня пробивает пот. На поле для игр лежит забытый кожаный мяч, ветер раскачивает качели на детской площадке. Я здороваюсь с хозяйкой пуделя, который задрал лапу у фонарного столба.

Звук сирен приближается. Смотрю по сторонам, но отблесков синих спецсигналов не вижу. У нас здесь нет автомобильного проезда, утопающий в зелени коттеджный поселок окружен только пешеходными и велосипедными дорожками. Это, кстати, одна из причин, почему мы переехали в

Чёпинге². Дети тут добираются в школу и к друзьям на велосипедах и могут вообще не следить за дорогой.

Глубоко вдыхаю. Прохладный осенний воздух заполняет легкие. Свобода, впереди выходные, никаких обязательных дел. Я давно мечтал отпустить все и просто ощутить, что я есть. Буду общаться с семьей. Захочу – потрачу пару часов и подстригу изгородь, как обещал. Впрочем, это легко подождет до весны.

На повороте замечаю ближайших соседей – Оке и Гун-Бритт. Идут рука об руку, быстрыми шагами. Я не видел их несколько дней. Здесь всегда так – с ранней осени и до поздней весны все закрывается и все исчезают. И только в апреле снова начинается какое-то шевеление – рассеиваются холодные туманы, воздух пахнет пылью, во дворах появляются щедро смазанные солнцезащитным кремом дети с мячами и самокатами, у всех на головах бейсболки. Тарахтит первая газонокосилка. В садах фланируют приклеенные к телефонам мамы в крутых солнечных очках и папы с рыхлыми животами, вываливающимися из слишком узких шорт. На три месяца коттеджный поселок превращается в курорт с батутами и надувными бассейнами. Кажется, будто прибавили громкость, а дни становятся длиннее. И так до августа, пока не начинается школа. А дальше – ветры, листопад, ранние сумерки, дожди и тишина. Все живое и цветущее забывается, и не верится, что когда-нибудь снова станет светло.

² Чёпинге – провинциальный городок в Швеции. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Вот и наши соседи-пенсионеры запирают за собой калитку – уже слишком темно, чтобы оставлять ее открытой. Оке немного задерживается на улице, он готовит сад к зиме, дорожки вымыты, все углы вычищены от паутины, садовая мебель обтянута пленкой с аккуратностью, которой позавидовал бы любой музейный работник. В окне тут же появляется любопытная физиономия Гун-Бритт. Она бдительно следит за всем, что происходит в саду. Ни один листик не пролетит мимо незамеченным.

– Добрый вечер! – кричит Гун-Бритт, когда я подъезжаю ближе.

Я сомневаюсь: остановиться поговорить или проехать. Больше всего мне хочется поскорее оказаться дома. Но тут из калитки на велодорожку выходит Оке, и все-таки приходится затормозить.

– Вы слышали удар? – спрашивает он.

– Похоже, там авария, – сообщает Гун-Бритт.

Я снимаю одну ногу с педали и опираюсь на нее.

– Авария?

– Вы же слышали сирены? – спрашивает Оке, а Гун-Бритт жестом изображает витающий у нас над головой звук.

– Это где-то рядом?

– Кто его поймет, – отвечает Оке и кивает в сторону нашего дома. – Звук вроде шел с той стороны.

– Скорее всего, с «большой» дороги, – добавляет Гун-Бритт.

Все называют так окружающую Е60, у которой расположены супермаркет «Ика» и магазин алкогольных напитков «Системболагет». Она выходит на Е6, где начинаются просторы Сконе с небоскребом Турнинг-Торсо на западе и шпилем Лундского собора на востоке.

– Кажется, приближаются, – замечает Оке.

Мы втроем прислушиваемся. Он прав, сирены воют громче.

– Ничего удивительного, люди же носятся как сумасшедшие, – сокрушается Гун-Бритт. – Но вы не волнуйтесь, Бьянка с детьми вернулась полчаса назад.

Бьянка. Дети.

В груди у меня что-то сжимается.

– О'кей. – Я быстро сажусь в седло и успеваю услышать слова Гун-Бритт:

– Хороших выходных.

Оставшуюся часть пути мои мысли перескакивают с одной на другую. Бьянка должна была забрать детей и купить продукты, но сейчас они уже дома. В безопасности. Вильям сидит на диване со своим айпадом, а Белла помогает Бьянке на кухне.

Отраженный стенами домов звук сирены становится еще громче. Мои бедра отяжелели, икры сводит судорога. До дома метров двадцать. За забором раздается собачий лай, и в ту же секунду я понимаю, что сирены смолкли.

Я сворачиваю за угол, вижу наш двор, и тут в глаза мне

бьет яркий мигающий синий свет. В нем тонет все – асфальт, живая изгородь и невысокий штакетник.

Дыхание перехватывает. Ноги продолжают крутить педали. Я слезаю с велосипеда и иду прямо на этот синий свет.

На земле лежит красный велосипед. Он сплюснен, колеса искорежены, руль торчит вверх. Рядом стоит Жаклин Селандер из пятнадцатого дома. У нее белое лицо, а на губах застыл крик.

У нашей живой изгороди из туи припаркована «скорая», рядом на корточках сидят два врача в зеленых халатах. На асфальте перед ними лежит Бьянка. Моя любимая жена.

2. Микаэль

До катастрофы

Лето 2015 года

Впервые я увидел Фабиана и Жаклин Селандер сразу после того, как мы переехали. На тех выходных Белле исполнилось три, и я решил установить в машину новое детское кресло, которое купил по бросовой цене в магазине «Блокет». Солнце жарило мне загривок, и сам я плавился, как сыр, втиснувшись наполовину в салон и мучаясь с ремнем безопасности, который оказался на несколько сантиметров шире, чем предназначенная для него прорезь. Ругательства из меня так и сыпались. Я не заметил, как кто-то подошел сзади.

– Новый «Р-дизайн», да?

Ремень выскользнул из рук, и чертово детское кресло опрокинулось набок. Когда мне удалось наконец извлечь собственное тело с заднего сиденья и вытереть пот со лба, я увидел мальчишку в шортах на подтяжках и кепке с логотипом «БМВ». Он стоял у ворот и рассматривал машину.

– Спортивная модель, – ответил я.

– Да знаю я, – ответил парень. – «Р-дизайн».

Сколько ему? Двенадцать, тринадцать?

– Дизельный двигатель, – сказал он, – подключаемый гибри́д, так?

– Видимо, так, – кивнул я.

– Не «видимо», а точно.

На самом деле я торопился, но мне не хотелось показаться невежливым.

– Меня зовут Фабиан, – произнес парень, – я тоже живу в этом дворе.

Жилой массив на окраине Чёпинге был поделен на маленькие кварталы, каждый из которых представлял собой большой заасфальтированный квадратный двор, по сторонам которого располагались четыре более или менее одинаковых коттеджа, построенные в первой половине семидесятых. У каждого квартала было собственное премилое название, связанное с топонимами из книг Астрид Линдгрэн: Бюллербю, Леннеберга, Сальткрока, Чёрсбэрсдален. Мы поселились на Горластой улице, и когда я сообщил детям, что отныне мы будем жить там же, где и «Лотта с Горластой улицы», они сначала ничего не поняли.

– Тогда будем соседями, – ответил я мальчику по имени Фабиан.

– О'кей, – ответил он и погладил бампер «вольво», как будто он был живым. – Вам надо было купить «БМВ». Больше опций за те же деньги.

Я рассмеялся, но мальчишка выглядел совершенно серьезным.

– У «БМВ-530», – сказал он, – двести семьдесят лошадей. А у этой сколько?

– Не помню.

Машина для меня – транспортное средство. Все, что мне нужно, – более или менее нейтральный цвет и вместительный багажник.

– Двести пятнадцать, – сказал мальчик.

Он свое дело знал.

Я уже собрался снова полезть в салон с детским креслом, как появилась женщина:

– Вот ты где, Фабиан!

Она как будто испускала какое-то сияние. Сильный загар подчеркивал длинные ноги, короткие шорты, белые зубы и небесно-голубые глаза.

– Ему нравятся машины, – сообщила она.

– Я уже это понял.

– Мне нравится «БМВ», – уточнил Фабиан.

Женщина, которая, видимо, была его матерью, рассмеялась и протянула руку с длинными розовыми ногтями.

– Значит, это вы переехали? Ноль-восемь³, как я слышала?

Ноль-восемь? Неужели еще так говорят? У меня нет ни одного знакомого, у кого остался бы стационарный телефон, скоро телефонные коды станут такой же древностью, как вращающиеся диски и бакелитовые трубки.

– Ну да, но... – промямлил я и вытер ладонь о шорты, чтобы поздороваться. – Микки.

³ 08 – код стационарных телефонов Стокгольма.

– Меня зовут Жаклин. Мы с Фабианом живем в пятнадцатом доме.

Она показала на дом, к которому вела подъездная дорожка, между плитками которой пробивались сорняки, а металлический забор не мешало бы покрасить. На фасаде висела подкова, китайский колокольчик и серебряные цифры: единица и слегка покосившаяся пятерка.

Металлический номер на нашем доме я уже открутил. Так потребовала Бьянка. Она согласилась жить в тринадцатом доме только при условии, что я сразу же уберу со стены табличку с этим несчастливым числом.

– Надеюсь, вам здесь понравится, – произнесла наша новая соседка. – У вас ведь тоже есть дети, да?

Я кивнул. По моему лбу катились капли пота, футболка прилипла к подмышкам.

– Белле только что исполнилось три, а Вильяму шесть. Фабиан и его мама переглянулись.

– Нам надо идти, – сказала Жаклин, кивнув мальчику. – Увидимся!

Она шла быстрыми шагами, Фабиан семенил рядом, стараясь не отставать. У ворот своего дома она остановилась, оглянулась и посмотрела на меня. Я улыбнулся в ответ.

Потом установил наконец кресло на место и сразу пошел в дом, чтобы рассказать о соседях Бьянке.

– Жаклин Селандер? Бывшая модель. Она жила в США.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

Бьянка склонила голову набок и показалась мне точно такой же, какой была восемь лет назад, когда меня сразили ее веснушки и ямочки на щеках.

– Из интернета, любимый.

– Ты проверяла соседей?

Она рассмеялась:

– А ты как думал? Уехать за шестьдесят миль⁴ и не выяснить, кто живет рядом?!

Разумеется. Я поцеловал ее в шею.

– Что ты еще выяснила, Лисбет Саландер?⁵

– Не много. Пожилую пару из двенадцатого номера зовут Оке и Гун-Бритт. Похоже, типичные представители поколения сороковых. Гун-Бритт любит танцевальную музыку, вместо фотографии у нее в профиле «Фейсбука» цветок. Оке вроде бы в социальных сетях нет.

– Ясно.

Я всегда жил в многоквартирных домах и никогда не понимал необходимости знать, кто твои соседи, но Бьянка была уверена, что в районе с отдельными коттеджами все обстоит иначе. Здесь не удастся избежать общения с соседями.

– Я нашла пару фотографий Жаклин Селандер. Она, кажется, больше времени прожила за границей, чем в Швеции. Живет, судя по всему, одна, то есть с сыном, в доме номер

⁴ Шведская миля равна 10 км.

⁵ *Лисбет Саландер* – вымышленный персонаж, девушка-хакер, героиня серии книг шведского писателя Стига Ларссона.

пятнадцать.

– А в четырнадцатом кто? – спросил я.

– Некий Ула Нильсон, мой ровесник. Ведет, судя по всему, замкнутый образ жизни. Но... – Она сделала небольшую паузу и округлила глаза, показывая, что обнаружила нечто сенсационное. – Он есть в Криминальном реестре.

– Что? Он преступник?

Ведь в реестр попадают только преступники?

– Не факт, – ответила Бьянка. – Но его судили за применение насилия.

– Ты читала приговор?

– Естественно. Нам ведь жить среди этих людей. Ты, любимый, дитя бетона. И не представляешь, как все устроено в таких местах.

– Нам надо было купить дом в Лапландии, – улыбнулся я.

– Я была бы не против. Если бы не дикий холод в тех местах.

Я вздохнул. Как это похоже на Бьянку, вечно она без необходимости перестраховывается, безопасность для нее как наркотик. Хотя сейчас, конечно, основания для беспокойства есть – мы же оказались в совершенно новом месте и ни одну собаку здесь не знаем.

Нам пришлось переехать по нескольким причинам, и я обязан поддерживать хороший настрой. Это мой долг перед Бьянкой. И детьми.

Сконе⁶ – наш новый старт. И нам его ничто не испортит, во всяком случае – не соседи.

– Все будет хорошо, – сказала Бьянка и накрыла ладонью мою руку. – Я не хотела тебя пугать. Горластая улица, тринадцать. Разве может здесь что-нибудь пойти не так?

⁶ *Сконе* – провинция на юге Швеции.

3. Микаэль

После катастрофы

Пятница, 13 октября 2017 года

Развернувшись, «скорая» выезжает на «большую» дорогу, и сразу же снова включается сирена.

Я стою в оглушающей тишине посреди гигантской пропасти, в которой исчезают время и пространство. Сирена унесла с собой все звуки и свет, небо стало черным. Все остановилось. Единственное, что я вижу, – взгляды соседей, опустошенные страхом, который вот-вот обратится в панику.

– Мама! Мама!

Из калитки выбегают Белла и Вильям, без обуви, только в носках. Я наклоняюсь обнять детей.

– Что случилось? – спрашивает Вильям. – Где мама?

Все переворачивается. Я не знаю, за что хвататься.

– Маму сбила машина.

– Что?

Белла отчаянно плачет.

– Ее повезли в больницу, – говорю я и прижимаю к себе сына и дочь.

В груди что-то рвется, я не могу дышать. На общем дворе стоят окаменев Жаклин и Фабиан, они в шоке. К ним подбегает Ула.

– Мама... – всхлипывает Белла. – Я не хочу, чтобы мама

умерла.

– Она же не умрет, да, папа? – спрашивает Вильям.

Я чувствую их страх всем своим телом. Этого не может быть.

– А куда она поехала?

– Ей надо было в супермаркет, – говорит Вильям, – минут на десять. Я пообещал присмотреть за Беллой.

– Я думал, вы уже там были!

– Да, но мама забыла фету.

Я встаю, мир вокруг шатается. Держу детей за руки и иду как слепой.

– Мы поедem за «скорой».

Ключи от «вольво» у меня в кармане.

– Вы же не возьмете с собой детей? – произносит Жаклин.

Лучше бы она молчала. Это она сбила Бьянку. Я не могу ее видеть.

– Оставьте их здесь, – подхватывает Ула и уже собирается взять Беллу за руку, но я отталкиваю детей от него:

– Ни за что!

На лице Беллы гримаса плача.

– Мы тоже поедem, – говорит Вильям.

Я не могу решить. Я был на станции скорой помощи в Лунде. Не всякий взрослый такое выдержит, и уж точно не ребенок.

– Я вас люблю, – шепчу я, наклонившись к детям. – Но вам, наверное, лучше подождать дома.

Я разрываюсь между желанием, чтобы они были рядом и я мог их успокоить, и пониманием, что для них лучше остаться и никуда не ездить.

– Я позвоню Гун-Бритт, – говорю я. – Они с Оке пока побудут с вами. А я скоро вернусь.

– Хорошо, – отвечает Вильям и берет сестру за руку.

– Мама тоже вернется? – тревожно спрашивает Белла.

Я обнимаю их и пытаюсь успокоить.

Когда я сажусь в машину, ко мне подходит Жаклин. Ее движения замедленны. Она моргает, сглатывает, подносит руку ко рту.

– Я... я... это произошло так быстро. Она просто появилась из ниоткуда.

Мне нечего сказать. Я закрываю дверь и включаю двигатель. Когда машина трогается, Уле приходится отойти в сторону. Я разворачиваюсь, и из зеркала заднего вида на меня смотрят растерянные лица детей. Они машут мне; машина, миновав живую изгородь из туи, выезжает на «большую» дорогу.

Я нажимаю на газ.

Руки дрожат, колени подпрыгивают. Вижу только асфальт впереди, чуть дальше все словно стерто. В голове страшная картина. Закрытые глаза Бьянки, посиневшие губы, опухшие раны и ссадины.

Склонившись к рулю, выезжаю на трассу. Отчаянно сигналю «фиату», который собирался перестроиться в мою по-

лосу, когда я со свистом проносился мимо. Вынимаю мобильник и набираю Гун-Бритт. Каким-то странным образом мне удается объяснить, что случилось. Телефон замолкает.

– Алло? Вы слышите?

– Подождите, – говорит Гун-Бритт и зовет Оке. Видимо, она прикрыла телефон рукой, слышно как издалека. Говорит, что она «так и знала».

Что, черт возьми, она могла знать?

– Жаклин наверняка была пьяной, – громко раздается у меня в ухе. – Как думаете?!

– Она слишком быстро ехала.

Все жители Горластой улицы заезжают в общий двор медленно, как улитки. Все, кроме Жаклин.

– О господи, – произносит Гун-Бритт. – Бьянка!

Я прошу ее поскорее пойти к нам, присмотреть за детьми и не подпускать к ним Жаклин и Улу. Обещаю позвонить, как только что-то выясню.

– Я буду молиться за Бьянку, – говорит Гун-Бритт.

Заезжаю в Лунд на повороте у «Новы» и дальше по Северному кольцу. При виде меня водители притормаживают, гадая, что случилось. Минутная встряска, отзвук драмы среди будней. Через пять секунд они, как обычно, едут дальше, а вот моя жизнь остановилась.

Как она могла не заметить Бьянку? В общем дворе невозможно никого сбить.

В следующее мгновение я сам уже еду так быстро, что те-

ряю контроль и машина задевает поребрик. Парктроник пищит, и я не удерживаюсь от ругательств.

Внезапно я вижу перед собой указатель приемного отделения «скорой». Быстро поворачиваю руль и выезжаю на узкую встречку. Парень с бакенбардами и в вязаной шапке успевает отскочить от края тротуара, иначе я бы его протаранил.

Он возмущенно жестикулирует, но мне сейчас не до этого. Припарковавшись в кармане, я отстегиваю ремень безопасности.

Несчастный случай.

Это должен быть несчастный случай.

4. Микаэль

До катастрофы

Лето 2015 года

Мы с Бьянкой мечтали о доме. Когда родилась Белла, стало понятно, что в квартире на Кунгсхольмене скоро станет тесно. Да и город больше не привлекал. Все, что казалось соблазнительным (развлечения, ночная жизнь, ритм городской жизни), теперь только отнимало силы и заставляло нервничать. Бьянка хотела, чтобы дети выросли в собственном доме, в тихом пригороде, так же как это было у нее. Мы посмотрели варианты за городом – всюду требовались миллионные взносы, а мы не были готовы отдавать за жилье семьдесят процентов месячного бюджета.

Вспомнили о Сконе. Ни у нее, ни у меня там никого не было, но нам нравились необъятные просторы тех мест и близость к границе с остальным миром. Мне казалось, что жизнь на юге страны течет немного медленнее. Самореализация и карьера там не так важны, можно просто наслаждаться каждым днем.

– Сконе? Мне там всегда нравилось, – сказала Бьянка.

Чёпинге мы выбрали отчасти по финансовым соображениям и в какой-то мере из-за работы. Во-первых, цены на недвижимость там оставались вполне подъемными, а во-вторых, я потерял работу в Стокгольме, а школа в Чёпинге ис-

кала учителя физкультуры.

Со Стокгольмом нас больше ничего не связывало. Родители умерли, работы не было. Мои старые друзья жили в Гётеборге, а Бьянка уже давно почти не общалась со своей сестрой. Мы стали родителями, так или иначе надо было что-то менять, вступать в новую фазу. Почему бы не сделать это на новом месте?

Это было что-то вроде приключения. Сжечь мосты и начать все сначала.

И мы поехали смотреть дом в сконской глубинке к западу от Лунда, о существовании которой я не подозревал все мои сорок лет. В доме было все, что нужно, и даже больше. Бьянка часто повторяла, что главное – планировка, а не число квадратных метров. Она понимала все тонкости – десять лет работы риелтором не прошли даром.

– Возможно, понадобится поменять пороги, но, согласитесь, у дома есть все шансы стать домом мечты, – сказал нам маклер.

Бьянка согласилась.

– А как соседи? – спросила она.

– Никаких проблем, – засмеялся маклер.

Он, наверное, подумал, что она пошутила.

– Все здешние жители – простые, скромные люди.

В машине Бьянка положила руку мне на бедро:

– Ну что, делаем первый взнос?

Дом ей очень нравился. Конечно, надо поменять кухню, покрасить стены и отциклевать в гостиной паркет в елочку. У пожилого мужчины, который жил в доме раньше, была жесткошерстная такса, которая поцарапала пол. Собаку похоронили под едва заметным деревянным крестом где-то в глубине сада. Сам хозяин таксы умер несколько месяцев назад, и его, как заверил маклер, похоронили не на участке, а где-то в другом месте.

В общем, в первые выходные после праздника летнего солнцестояния в нашей новой гостиной уже стояли коробки с вещами. В детских я скотчем прикрепил на окна простыни, пока мы не поменяем жалюзи.

– Нам здесь будет хорошо, – сказала Бьянка и обняла меня на маленькой деревянной лестнице за стеклянной дверью в сад.

– Тут так тихо, – сказал я. – Слышишь?

Ни проезжающих машин, ни голосов – только ветер шелестит листвой.

Ночью мы занимались любовью, как раньше, еще до рождения детей, такого у нас не было целую вечность. Новая эра. Новый дом, новое место, новый воздух.

Бьянка громко застонала. Закрыла изумрудно-зеленые глаза.

– Детей разбудишь! – прошептал я в ее потную шею.

– Ну и пусть, – выдохнула Бьянка.

– А если соседей? – рассмеялся я.

На следующий день, когда мы все играли в саду в пятнашки, Белла споткнулась и упала. Я подул ей на колено и убрал с него травинку.

– Пластырь, – заканючила Белла.

Я пошел в дом рыться в коробках, а Бьянка и дети продолжили играть. Я перерыл половину нашего имущества, но ничего не нашел и вернулся в сад слегка раздраженный. У калитки стояли новые соседи. Жаклин и ее сын.

– Извините, если побеспокоили. Мы только хотели поздороваться, – сказала Жаклин.

Из-за дома выбежали Белла и Вильям, Бьянка их догоняла.

– Запятнала! – крикнула моя жена. – Теперь Вильям!

Она заметила гостей только после того, как я кашлянул.

– Ой! – воскликнула она с улыбкой и остановилась рядом со мной.

Вильям ее тут же запятнал.

– Это Жаклин и Фабиан, – сказал я. – Они живут в пятнадцатом доме.

Бьянка поздоровалась, а Жаклин протянула пакет с коричневыми булочками:

– Они из супермаркета, сама я, увы, пеку плохо.

– Не стоило, что вы... – произнесла Бьянка.

Жаклин улыбнулась.

– А почему вы говорите «запятнала»? – спросил Фабиан.

На нем были те же штаны на подтяжках, застиранная футболка и кепка с логотипом «БМВ» – сильный контраст с платьем Жаклин, открытым, блестящим и почти прозрачным.

– Потому что это так называется, – ответил Вильям. – Игра в пятнашки.

Фабиан посмотрел на него как на дурака:

– Она называется «догонялки».

– Она может называться по-разному, – заметила Жаклин.

Я подтвердил:

– Когда я был маленький, мы говорили «ловитки».

Фабиан посмотрел на меня так же, как только что смотрел на Вильяма.

– Ну, не будем вам больше мешать, – сказала Жаклин.

Я сказал, что они не мешают.

– Вы будете здесь что-нибудь менять? – спросила она, обводя взглядом сад.

– Думаю, да, – ответил я. – Но это подождет до следующего лета.

– Конечно. У вас, наверное, много дел. Так всегда после переезда.

– Это наш первый дом, – объяснила Бьянка. – Раньше мы жили только в квартирах, так что сад – это действительно нечто совсем новое для нас. Но разумеется, все всегда хочется переделать по-своему.

– Не трогайте вон ту яблоню! – махнул рукой Фабиан.

Мы с Бьянкой посмотрели на узловатое дерево в углу сада со стороны улицы.

– Это было любимое дерево Бенгта, – сказал Фабиан. – Он посадил его, когда построил дом, в семьдесят шестом году. Яблоне столько же лет, сколько моей маме.

Щеки Жаклин слегка порозовели. Я отвернулся. Она была такая красивая, что я не мог смотреть на нее в присутствии Бьянки. На ней как бы не было ни единого нейтрального места, на котором можно было бы спокойно остановить взгляд.

– Фабиан был очень близок с Бенгтом, который жил здесь раньше, – добавила Жаклин. – Он был для Фабиана как родной дедушка.

– Понятно, – произнесла Бьянка.

Фабиан подозрительно на нас покосился:

– Почему вы сюда переехали?

– Фабиан! – одернула его Жаклин и извинилась: – Он иногда бывает слишком любопытным.

– Любопытство – это хорошо, – ответил я. – Оно позволяет научиться чему-то новому.

– Верно, – сказала Бьянка и толкнула меня локтем.

Я нередко поддразнивал ее из-за страсти к всевозможным расследованиям.

– Но все-таки почему вы сюда переехали? – нетерпеливо повторил Фабиан.

– Я буду работать в здешней школе.

Жаклин просияла:

– Вы учитель?

– Физкультуры.

– Вот как!

Белла вспомнила про пластырь, а Бьянка знала, в какой из многочисленных коробок он лежит.

– Вы много тренируетесь? – спросила Жаклин.

Она осмотрела меня с головы до ног так пристально, что я покраснел, и Жаклин отвела взгляд.

– Не столько, сколько хотел бы. Все успеть трудно.

– Думаете? – улыбнулась Жаклин.

– Тогда вы, наверное, будете моим учителем, – предположил Фабиан.

– Надеюсь.

– Ну, мало ли.

– Фабиан пойдет осенью в эту школу. В седьмой класс. Не могу поверить, что мой мальчик уже старшеклассник.

Ее глаза блеснули. В том, как они с сыном смотрели друг на друга, было что-то особенное, но я не мог понять, что именно.

– Ну, теперь нам действительно пора, – сказала Жаклин и открыла калитку.

– Хорошего дня! – ответил я.

– И спасибо за булочки! – добавила Бьянка, которая наконец отыскала упаковку пластыря.

– Пустяки! До свиданья! – Жаклин помахала рукой из-за забора.

– Кажутся вполне приятными, – прокомментировала Бьянка.

Я поцеловал ее в щеку:

– Да, более чем. Но я надеюсь, что мне не придется работать в классе у Фабиана. Учить соседа – не самый лучший расклад.

Бьянка рассмеялась:

– А я тебя предупреждала. В таких местах это обычное дело. Сохранять анонимность тебе отныне не удастся.

– Так, фасад мы сейчас трогать не будем! – заявил я.

– Конечно не будем. Мы просто побелим комнаты – три спальни и кухню.

Краска уже стояла во дворе.

– А пятнашек больше не будет? – спросил выбежавший из-за дома Вильям.

– Мы с папой идем красить стены в доме, – ответила Бьянка. – А вы пока сами немного поиграйте.

Я уже поднял ведро с краской, когда калитка за моей спиной снова открылась.

– Здравствуйте, здравствуйте!

Женщина лет семидесяти с любопытством глазела по сторонам.

– Я хотела сказать только: «Добро пожаловать на Горластую улицу!» – произнесла она и протянула руку. – Гун-Бритт, живу в доме напротив.

Пожав руку Бьянке, она заговорила, понизив голос:

– Я подумала, что вам стоит познакомиться с кем-то еще из нашего квартала. Тут не все такие, как эти. – Она сделала легкий кивок в сторону дома Жаклин и Фабиана и продолжила: – Но в целом здесь очень славно. Все помогают и заботятся друг о друге. Уверена, вам у нас понравится.

Я видел, что Бьянка с трудом сдерживается. Она такое не выносит. Проблемы с соседями, сказала она однажды, – это как рулетка: никогда не знаешь, что выпадет. Она никогда не любила выставлять напоказ свою жизнь и оберегала личное пространство. Одним из достоинств нового дома были как раз высокая изгородь из туи и калитка.

– У нас обо всех сложилось очень хорошее впечатление, – произнес я и улыбнулся немного шире, чем требовалось.

– Да-да, не буду вам мешать, – сказала Гун-Бритт. – Я понимаю, сколько всего вам нужно сделать.

Но уходить она при этом не торопилась. И только когда я снова взялся за ведро с краской, Гун-Бритт повернулась к калитке со словами:

– Ну что ж, пойду! Увидимся.

Едва дождавшись, пока она скрылась из вида, Бьянка подошла к калитке и потрогала задвижку:

– Может, повесим здесь замок, как думаешь?

5. Микаэль

После катастрофы

Пятница, 13 октября 2017 года

Холл в приемном покое станции скорой помощи пульсирует скрытым отчаянием. Ожидающие смотрят в пол. Беспкойное постукивание ног, тихие всхлипывания в носовой платок, приступы кашля, переходящие в хриплые рыдания. Медсестра в белом халате открывает передо мной дверь:

– Вы муж Бьянки Андерсон?

– Да. Где она? Что с ней?

– Идите за мной, – велит медсестра; я иду за ней по коридору в маленькую комнату, где стоят два простых стула.

– Когда я смогу увидеть жену?

– С ней сейчас врачи. Они придут сюда и проинформируют вас обо всем, как только будет возможность.

Неизвестность пугает, ноги подкашиваются, по спине бегают мурашки. Что сейчас чувствует Бьянка? Должен быть какой-то способ помочь ей.

– Посидите пока, – предлагает медсестра. – Хотите пить?

У нее мягкий голос, но лица нет. Я вижу только белую фигуру, исчезающую в дверном проеме. Как привидение. Она быстро возвращается с чашкой теплой воды.

– Пожалуйста.

Я проливаю половину на пол – так сильно дрожат руки.
Рот онемел, я не могу шевелить губами.

– Она поправится, – говорю я.

По-другому даже думать нельзя.

Медсестра вздыхает, и я впервые различаю ее глаза. Они блестят от волнения.

Час назад Бьянка была такой же бессмертной, как и все, кто меня окружает. Мысль о том, что ее может не стать, была так далека, что в нее едва верилось. Теперь все иначе. Одно мгновение – и все изменилось.

– Пожалуйста, кто-то должен рассказать мне, что происходит! – Я встаю и начинаю нетвердо ходить по комнате.

– Идите сюда, – говорит медсестра. – Вам лучше сесть.

Ей приходится поддерживать меня, у меня нет сил.

– Она поехала на велосипеде за фетой, – произношу я, снова сев на стул.

Медсестра удивлена.

– В такос не кладут фету, сколько раз я ей об этом говорил!

Я проклиная себя.

Что с нами происходит?

– А мне нравится такос с фетой, – слышу я мягкий голос медсестры.

Растираю себе виски и пытаюсь улыбнуться.

Когда-то мне нравились маленькие причуды Бьянки. Фета в такосе, ночник, который должен гореть, когда мы спим,

и выключаться, когда мы занимаемся любовью, ее страх перед птицами и то, что она всегда пакует в багажник пледы, фонарики, спасательные жилеты и лопату, если мы собираемся проехать больше трех миль. То, как она зажмуривается в туннелях и на высоких мостах. И это вечное постукивание пальцев по экрану мобильного. Дурная привычка гуглить всевозможные ответы еще до того, как сформулирован вопрос.

В какой момент все эти мелочи теряют очарование и начинают раздражать? Не надо было нам переезжать в Чёпинге.

Если посмотреть назад, то все эти ее нервные реакции кажутся пугающим предостережением. Она говорила, что нужно держать дистанцию с соседями и допускать только ту степень близости, которая ограничивается просьбой вынимать почту из ящика во время отпуска.

– Вы хотите с кем-нибудь связаться? – спросила медсестра. – У вас с собой телефон?

Я достаю его из кармана.

Да, Сиенна, старшая сестра Бьянки. Нужно сообщить ей. Но как такое сказать? Ее сестре, которую я несколько лет не видел. Мы прекратили отношения и давно не выходили на связь.

– Наверное, уже поздно, – шепчу я.

Медсестра серьезно смотрит на меня.

Как несправедливо. Бьянка этого не заслуживает. Я всегда

считал, что побеждает справедливость. Тот, кто совершает добро, получает добро.

Я закрываю руками лицо и в темноте начинаю задыхаться. Перед глазами яркие вспышки. Щека Бьянки на асфальте, запавшие веки и рассыпавшиеся волосы, точно золотой букет посреди черного мрака.

Я прогоняю видение, моргаю, пытаюсь представить что-нибудь другое. Ее губы сердечком и лукавый взгляд, сафари на мотороллерах вдоль моря на Сардинии, ночи под звездами. Как она все время таскала у меня свитеры и рубашки и ее запах, который я чувствовал после этого на одежде. Как мы покупали кольца и попросили выгравировать на них «Навсегда вместе». Сколько это – «навсегда»?

6. Микаэль

До катастрофы

Лето 2015 года

Несколько недель ни капли дождя. Палящее солнце и средиземноморская жара. Мы с Бьянкой стояли каждый на своей стремянке и красили стены в спальне, дети гуляли в саду.

– Мама, папа, ну когда вы закончите?

Я предложил купить им надувной бассейн.

– Не знаю, – сказала Бьянка, – чаще всего дети тонут на мелководье.

Мне пришлось загуглить, и это действительно оказалось так, хотя само число детей среди утопленников крайне невелико, тонут в основном семидесятилетние мужчины.

– Мы должны все время пить воду. Организму нужно намного больше воды, чем кажется, – сказала Бьянка и так обильно смазала детей защитным кремом, что они стали походить на маленьких гейш. – Еще два часа – и поедем на море.

Белла и Вильям заорали от радости, а Бьянка хлопнула меня по заднице, чтобы я возвращался на стремянку.

– Давай, Рембрандт. Поторопись, осталось чуть-чуть.

В заляпанных краской рабочих штанах и огромной майке, она была неотразима. Я внезапно почувствовал полную уверенность, что все обязательно сложится хорошо.

Когда мы смывали с себя растворитель из садового шланга, в глазах Бьянки мелькнула печаль.

– Папа так все это любил. Представляешь, если бы он нам сейчас помогал?

Она потеряла отца меньше года назад. Рак медленно уничтожал его тело, но он до последнего ухаживал за садом и дачей, забирался на крышу, заколачивал гвозди, чинил и красил. На нем закончилось поколение. Мои родители и родители Бьянки умерли, и мы больше не могли закрывать глаза на тот факт, что жизнь не бесконечна.

Однажды на закате, когда мы, уложив детей, расположились на террасе с игристым вином, калитка открылась и показались пенсионеры из дома напротив.

– Вечер добрый, – сказала Гун-Бритт, – как у вас тут мило!

– Ой! – воскликнул Оке. – Это не дело!

– Что – не дело?

Ему показалось, что я шучу.

– У вас же трава высохла!

Я посмотрел на пожелтевший, как в прерии, газон. После переезда голова моя была забита множеством разных проблем, и я совсем забыл, что газон нужно поливать.

– Тут запрещено использовать водопроводную воду на орошение, – сказал я.

– Да, вам нужно пробурить собственную скважину, – объявил Оке. – Не знаю, сколько раз я говорил это Бенгту, но он

же никогда меня не слушал.

– Пробуруем, но потом. До осени мы хотим в первую очередь закончить спальни и кухню.

– Понимаю, – ответил Оке. – Дел тут вам надолго хватит. Бенгт был во многих отношениях хороший человек, но ленив, сукин сын.

– Эй, – одернула его жена, – о мертвых плохо не говорят.

– Я слышал, вы уже познакомились с Жаклин и мальчишкой, – сказал Оке, обходя гараж и постукивая по обшивке фасада. – Мы не собираемся ничего вам рассказывать. Лучше сами составьте о них собственное представление.

– Так будет правильно, – добавила Гун-Бритт.

– Да, но мальчишка... – продолжил Оке, – боюсь, с мальчишкой все не очень хорошо.

Бьянка чуть не подавилась «кавой». У Оке была особая манера недоговаривать.

– Вы уже видели Улу? – спросила Гун-Бритт. – Он живет в четырнадцатом доме. Славный парень.

Приговор славному парню на сайте Криминального реестра она, по всей видимости, не читала.

– Тут надо все менять, – сообщил Оке, показывая на панели, которыми был обшит гараж. – Одно гнилье.

Он обращался ко мне.

– Мы собирались для начала их покрасить, – сказала Бьянка.

– Покрасить свинью помадой, – проворчал Оке.

– Однако мы пришли не за этим, – перебила его Гун-Бритт. – Мы хотим пригласить вас на традиционный праздник нашего двора.

Оке оставил в покое гараж и поднялся на террасу.

– Понимаете, мы с Гун-Бритт каждый год устраиваем праздник двора для тех, кто живет по соседству с нами. И мы всегда радуемся, когда на Горластой улице появляются новые жильцы. Мы все тут держимся вместе.

– Спасибо за приглашение, – ответила Бьянка. – Звучит заманчиво.

– Будет замечательно, – заверил Оке.

Гун-Бритт и Оке скрылись за калиткой, мы с Бьянкой молча помахали им вслед.

– Соседи – это прекрасно, – сказала Бьянка и наполнила бокалы.

– Нам, наверное, не надо идти на этот их праздник, – предложил я.

– Ты с ума сошел? Это будет социальным самоубийством. Мы не сможем здесь дальше жить.

– Но ты же говорила...

– Дорогой, ты действительно не понимаешь, как тут все устроено. С соседями нужно соблюдать дистанцию, но ни в коем случае не следует их сторониться или выказывать неблагодарность. Так что мы пойдем на этот праздник и будем делать вид, что нам страшно весело.

Я положил голову ей на колени и рассмеялся:

– Без тебя я бы здесь и недели не справился.

Она взъерошила мне волосы:

– Ты, дорогой, без меня нигде бы не справился.

– Жалеешь, что мы переехали? – спросил я как бы шутя, хотя на самом деле это интересовало меня всерьез.

Бьянка медлила с ответом, перебирая мои волосы.

– Конечно нет. Думаю, нам тут будет очень хорошо.

Я выдохнул, но в душе все равно осталась какая-то тяжесть.

Через несколько дней я сидел в шезлонге, укрывшись в тени и пытаюсь отодрать следы краски на груди, когда с улицы прибежали Вильям и Белла:

– Папа, папа! Можно мы поиграем с Фабианом?

Они подпрыгивали, глаза сверкали.

– Ну да...

– У него есть батут, – сообщил Вильям.

– Батут? – переспросила появившаяся в саду Бьянка.

Полгода назад Вильям захотел поехать в батутный парк, но, после того как Бьянка узнала из интернета, сколько людей в Швеции каждый год ломают ноги на батутах, мы решили не ехать.

На этот раз Вильям не собирался сдаваться и клянчил:

– Он совсем маленький.

Бьянка посмотрела на меня, угадывая мои мысли.

Такие решения были для нее мучительны, но она понима-

ла, что нужно согласиться.

– Тебе лучше пойти тоже и присмотреть за ними, – велела она мне.

– О'кей.

Батут меня не волновал. А вот Фабиан... Он же слишком взрослый, чтобы водиться с Беллой и Вильямом.

– Пойдем, папа, пожалуйста! – упрашивала Белла.

– Хорошо, но ненадолго.

Я натянул футболку, и мы с детьми отправились в сад семейства Селандер.

Фабиан уже прыгал на батуте, Вильям и Белла быстро сняли сандалии и встали в очередь. Это действительно был самый маленький батут из всех, что я видел, прыгать на нем можно было только по одному.

– Надо же, здравствуйте!

На меня чуть не натолкнулась внезапно появившаяся во дворе Жаклин. Ее длинные волосы были собраны в пучок, глаза прятались за черными солнцезащитными очками. На ней не было ничего, кроме ярко-красного бикини.

– Здравствуйтесь, – ответил я и посмотрел в сторону.

Было трудно отвести глаза от ее неприкрытой кожи.

– Как мило, что вы заглянули. Хотите выпить? – Без тени смущения Жаклин обеими руками подняла очки на лоб, еще более обнажив тело с идеальным загаром.

Я не знал, на чем остановить взгляд.

– Спасибо, но мне нужно идти работать. – Я показал следы

краски на руках.

Жаклин оглядела меня с улыбкой:

– Бедный, только и делаете, что работаете.

– Ничего, если я оставлю детей? – спросил я.

Она со смехом кивнула:

– Идите красьте! Мы тут разберемся.

Она прошла так близко от меня, что я почувствовал запах кокосового масла. На газоне возле шезлонга Жаклин сбросила шлепанцы и улеглась, вытянув блестящее от масла тело и закинув руки за голову. Я не хотел смотреть, хотя удержаться было трудно.

– Я заберу вас через час, – сказал я Вильяму и Белле, – или сами найдете дорогу.

Они были слишком заняты, чтобы ответить.

Когда я возвращался, низко над крышами домов висело солнце, этот разрывающий небо гигантский огненный шар. По моему лицу тек пот, перед глазами мелькали красные и золотые звездочки. Солнце так сильно слепило, что я отвел глаза в сторону, и в поле зрения оказался дом номер четырнадцать, в котором жил Ула Нильссон, осужденный за применение насилия.

Это заняло секунду или две. Я моргнул и прищурился, глядя на конек крыши.

Ула смотрел на меня из окна на фронтоне. Острым пристальным взглядом. Заметив, что я его вижу, он исчез.

7. Жаклин

После катастрофы

Пятница, 13 октября 2017 года

Микки уехал вслед за «скорой», а я так и стою у въезда в квартал. На земле лежит красный велосипед Бьянки, руль погнут, колесо смято.

– Пожалуйста, – говорю я Фабиану. – Я не могу этого видеть.

Он поднимает велосипед. Ула помогает отнести его к тринадцатому дому.

На улице воцаряется мрачная тишина, кожу царапает холод.

– Что мы будем делать? – спрашивает Фабиан.

Мне хочется закричать. Это случилось именно сейчас, когда все уже почти наладилось.

Передо мной стоит «БМВ» с разбитым бампером. Зачем я купила этот проклятый автомобиль? На меня смотрят Белла и Вильям. Хочется обнять их, прошептать что-то утешающее, но они отстраняются, держатся вместе, они начеку.

– Мама умрет? – спрашивает Белла.

– Зачем вы ее сбили? – спрашивает Вильям.

Я молчу, у меня нет сил отвечать.

– Это был несчастный случай, мы столкнулись, я не успела затормозить.

Вильям берет сестру за руку, я иду за ними к их дому.

– Пойдем! – кричу я Фабиану и Уле, они так и стоят у въезда во двор, ничего вокруг не видя.

– Я хочу домой. – Голос Фабиана звучит тихо и слабо.

– Сейчас, мы толькождемся Гун-Бритт и Оке. – Я поворачиваюсь и зову его. – Иди сюда!

– Может, мне тоже пойти с вами? – спрашивает Ула.

– Не нужно.

Я не могу его видеть. Не хочу иметь с ним никаких дел.

– Ты уверена?

Он делает шаг вперед, но я тащу Фабиана за руку к дому, у дверей которого Вильям пытается утешить отчаявшуюся сестру. Ула так и стоит у въезда, широко раскрыв глаза.

Через пять самых долгих в моей жизни минут в дом Андерсонов врываются Гун-Бритт и Оке.

– Что тут случилось? – Гун-Бритт сжимает детей в своих объятиях; Вильям всхлипывает, а плач Беллы пронзает мне сердце.

– Там приехала полиция, – говорит Оке.

За окном идут двое молодых мужчин в форме – о чем-то болтают, показывают на двор и потягиваются.

– Я ожидала чего-то подобного, – произносит Гун-Бритт, глядя детей по голове. Руки утешают, но всем своим видом она обвиняет.

– Прекратите, – прошу я, – не сейчас.

– Но что дойдет до такого... – продолжает Гун-Бритт.

Мне приходится прикусить язык. Ради детей. И Фабиана.

Оке открывает дверь полицейским, те здороваются, их лица сама серьезность. Черные ботинки и широкие ремни с дубинкой и пистолетом.

Гун-Бритт и Оке представляются.

– Мы живем рядом. Микки попросил нас присмотреть за детьми.

Один из полицейских внимательно смотрит на меня:

– А вы?

– Я тоже живу здесь.

Фабиан сидит в кресле и вращает руками одна вокруг другой, он всегда так делает, когда нервничает. Взмахивает и крутит. Я осторожно присаживаюсь на корточки рядом с ним. Не слишком близко.

– Все будет хорошо, родной.

– А если она не поправится? – говорит он.

Я делаю глубокий вдох:

– Не надо так думать.

Слышу в прихожей раскатистые голоса полицейских. Пол скрипит под их ботинками.

– Жаклин? – окликает меня первый. – Нам надо поговорить с вами.

Они видят сидящего в кресле Фабиана. Второй полицейский наклоняется к нему:

– Как ты?

Фабиан молчит. Его руки продолжают вращаться.

– Это мой сын, – объясняю я. – У него шок, он сидел рядом со мной в машине.

– Ему нужна медицинская помощь?

Полицейский без предупреждения протягивает руку, намереваясь коснуться Фабиана.

– Не трогайте его! – вскрикиваю я.

Рука повисает в воздухе, полицейский удивленно смотрит на меня.

– Он не любит телесные контакты.

Полицейский какое-то время колеблется, но потом убирает руку:

– Понятно. Не торопитесь, мы можем поговорить и после.

Они оставляют нас в гостиной вдвоем, Фабиан дышит все прерывистее. Руки все быстрее вращаются одна вокруг другой.

– Полиция! – шипит он.

– Я знаю, не бойся.

Все его тело трясется.

– Тебя могут забрать в тюрьму.

В конце концов ему приходится сесть на собственные руки, чтобы они остановились.

– Не могут, – отвечаю я. – Это был несчастный случай.

Полицейский записывает мои показания. Мы сидим за столом друг против друга в кухне Андерсонов.

– К сожалению, нам придется изъять автомобиль.

– О'кей, – киваю. – Зачем? Что вы хотите проверить?

– Таков порядок, его должны осмотреть технические специалисты.

Я долго и внимательно рассматриваю полицейского – открытое лицо, добрый взгляд.

Из-за двери доносятся всхлипывания Беллы и вопросы, которые растерянно задает Вильям и на которые у Гун-Бритт нет ответов.

Каждое их слово режет меня на части, это полный крах; мысли и чувства наталкиваются друг на друга, в глазах слезы.

– Вам известно, что с Бьянкой? Что-то серьезное?

– К сожалению, сведений об этом у нас нет, – отвечает полицейский.

Черт, что же я наделала!

Он протягивает мне стакан воды и пачку бумажных носовых платков:

– Вам сейчас тяжело, я понимаю, но я должен задать вам несколько вопросов. Что именно произошло? Что вы можете вспомнить, Жаклин?

Я закрываю глаза и впиваюсь правым указательным пальцем в тонкую кожу на левой ладони.

– Я ее не увидела.

– Она ехала на велосипеде, верно? Мы думаем, она выехала из своих ворот примерно тогда же, когда вы свернули на

территорию общего двора.

– Да.

По-другому быть не может.

– Но вы ее не заметили?

– Нет.

Это не так.

– Ну или я заметила, я увидела велосипед, что-то красное, но уже было поздно. Я поздно затормозила.

Эхо удара непрерывно звучит в голове.

– Я закричала. Я помню, что я закричала. А потом затормозила.

Полицейский пишет в блокноте.

– Вы спешили?

– Нет, совсем.

– С какой скоростью вы ехали? Там довольно крутой поворот.

– Я не смотрела на... на...

– Спидометр?

– Не знаю.

Под блузкой стекает холодный пот. Я будто покидаю собственное тело, взмываю к потолку и оттуда наблюдаю за происходящим. Сидит и отвечает на вопросы полицейского совсем другой человек.

– Я не понимаю. Как я могла на нее наехать?

Полицейский снова записывает. Я пытаюсь дышать спокойнее, но при каждом вдохе в груди жжет.

– Ваш сын, Фабиан, тоже был в машине?

– Да.

– Сколько ему лет?

– Пятнадцать.

Полицейский записывает, покачивая головой. Я думаю, что говорить о Фабиане.

– Вам же не обязательно беседовать и с ним? Я не уверена, что он это выдержит. У него шок.

– В этом нет необходимости, – уверяет полицейский.

Я закрываю глаза и снова вижу перед собой Бьянку на велосипеде, слышу визг тормозов и удар.

– А вдруг она...

Все во мне кричит от страха.

– Послушайте... – начинает полицейский.

– Это я виновата, – всхлипываю я.

– Иногда случаются страшные вещи, в которых не виноват никто, – произносит он.

Не уверена, что он в это верит.

– Мы можем пойти домой?

Он поднимает голову:

– Еще несколько вопросов. Выдержите?

Киваю. Лучше сразу покончить с этим.

– Какие у вас отношения с Бьянкой Андерсон?

– Отношения?

Станный вопрос.

– Мы соседи.

– Вы поддерживаете с соседями тесные контакты?

– Ну да, немного. Как обычно в таких районах.

Полицейский понимающе кивает:

– То есть вы общались с семьей Андерсон?

Он произносит «общались» так, как будто вкладывает в это слово еще какой-то смысл.

– Иногда, – сдержанно отвечаю я.

О чем, собственно, он?

– Как бы вы описали ваши отношения?

– Не знаю...

Как можно описать отношения? Два года назад я бы сказала, что семья Андерсон – лучшие соседи на свете. Но с тех пор многое изменилось.

– Вы с Бьянкой дружили?

Я смотрю на него, пытаюсь догадаться, что он успел узнать.

– Я бы так не сказала.

– А с Микаэлем, ее мужем?

Я вздрагиваю. Чуть-чуть, едва заметно, но наметанный взгляд полицейского, скорее всего, это фиксирует.

– Что с Микки?

Слегка качаю головой, и несколько прядей с вполне достоверной случайностью падают мне на лицо.

– Какие у вас с ним отношения? Вы часто видитесь?

С ответом я не медлю. Видимо, он уже успел побеседовать с Гун-Бритт.

– Честно говоря, я не понимаю, как это относится к делу.

Я же не отрицаю: это я сбила Бьянку. Я была невнимательна и наверняка ехала слишком быстро.

– Конечно-конечно, я просто пытаюсь получить более общее представление о случившемся. Узнать предысторию.

– Нет никакой предыстории. Это был несчастный случай.

Я отвела взгляд всего на миг, сотую долю секунды. Для того чтобы разрушить жизнь, больше не требуется.

– Вы же понимаете, что это был несчастный случай? – говорю я.

Полицейский молчит. Потом кладет на стол какой-то черный прибор.

– Я должен попросить вас выдохнуть сюда.

Это алкотестер.

Я снова вздрагиваю, и теперь полицейский это точно замечает.

8. Жаклин

До катастрофы

Незадолго до того, как в дом номер тринадцать вселились Андерсоны, мы с Фабианом заметили на Горластой улице черный «порше» – маклер приехал убрать оранжевую вывеску «Продается». После смерти Бенгта Фабиан был все время подавлен, а вывеска только ухудшала положение. Интересно, людям приходит в голову, что за продажей дома часто скрывается трагедия? Какая гадость – надеть костюм, сесть в «порше» и поехать водружать на газон оранжевую вывеску. Как будто надо просто продать очередную недвижимость, кусок пространства, ограниченный деревом и кирпичами. Как будто дом никто не строил и никто в нем не жил. В этом доме человек упал с лестницы и исчез. И остался мальчик, потерявший своего лучшего друга, который был ему как дедушка.

Когда в доме поселились Микки и Бьянка с детьми, Фабиан начал быстро меняться. У него появился аппетит и румянец на щеках. Он чаще выходил из комнаты в летнее тепло, и появилась надежда, что все наладится.

Изменить собственную жизнь легко, намного легче, чем кажется. Просто взять и начать сначала. Я делала это несколько раз. Прекратить отвечать на звонки, отказываться

от всего, ни с кем не встречаться. Тебя забудут быстрее, чем ты думаешь. Есть много других людей, о которых можно позаботиться.

Прожив в США десять лет, я сначала вернулась в родной Тидахольм. Это был кошмар. Во всем мире прошло десятилетие, но здесь не изменилось ничего.

Подружки, как и раньше, сидели в местной гамбургерной – слегка располневшие, с первыми морщинами на лице и в окружении детских колясок, а не парней, но школьное отношение к жизни осталось прежним: не вздумай выпендриваться и думать, что ты круче других. Мать, по своему обыкновению, ворчала, отец, как и раньше, молчал.

Мы с Фабианом предприняли одиссею на юг с остановками в Йончёпинге (засилье сектантов-пятидесятников), Ландскроне (вокруг одни бандосы) и Сольвесборге (слишком много нациков). Когда Фабиану исполнилось четыре, я нашла дом на Горластой улице. Чёпинге, правда, пришлось искать в «Гугл»-картах, чтобы понять, где он находится, но потом оказалось, что это было лучшее мое решение. Риелтор неправильно оценил виллу, и она досталась мне очень дешево. Так мы и оказались в стране Астрид Линдгрэн, где всегда светит солнце, не запираются двери – и живет Бенгт. Потрясающий человек, который действительно заботился о Фабиане, всегда находил для него время и ни разу нас не разочаровал. Рядом с ним Фабиан расцветал, а когда Фабиан счастлив, я тоже счастлива.

Но мне не хватало общения вне семьи. Работы не было, мест, где можно было бы встречаться с другими людьми, тоже. Двадцать четыре на семь я занималась Фабианом. Через детскую поликлинику я попала в родительскую группу. Медсестра с непропорционально длинной челкой и добрыми, как у бабушки, глазами сообщила, что у них есть группа матерей, чьи дети, как и Фабиан, родились в 2002-м, и эта группа регулярно проводит встречи.

– Я поговорю с ними, – пообещала она. – Там наверняка найдется еще одно место.

Когда-то моя учительница точно так же заставляла девочек принять меня в свою компанию, чтобы прыгать с ними через веревочку. Это было еще до того, как у меня оформились ноги и грудь, и одноклассницы хотели убить меня по другим причинам.

Почти год каждую вторую пятницу мы с Фабианом встречались с родительской группой. Мама близняшек Кина и Кита даже название для группы придумала – «Мамашки и няшки». Шесть женщин в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти хвастались детьми и сплетничали о собственных мужьях. Собирались друг у друга «просто по очереди», но угощение на этих встречах простотой никогда не отличалось. Домашний хлеб на закваске, настоящие итальянские кростини или капкейки фантастического дизайна. Кофе быстро сменялся вином. Дети, четыре мальчика и три девочки, проводили время в беззаботных играх в уютных домах, где

деньги тратились на игрушки, а не на погашение долгов по ипотеке.

После каждой встречи я говорила себе, что больше не пойду. Я не выносила этих людей, их жилища и одежду, все, что они говорили, и то, как они это говорили. Но когда я получала сообщение с приглашением, меня снова пробивал жар. В точности как в старших классах школы. Я снова стала девочкой, которая сидит у телефона и ждет. Когда текстовые сообщения прекратились, я сначала ощутила какую-то пустоту. Потом злость. В конце концов я убедила себя, что с этим надо покончить. «Мамашки и няшки» должны кануть в прошлое.

И все же я скучала. По этим родительницам с «усами» красного вина на губах, конфетам с сухофруктами и по детям, устраивающим торнадо в гостиных Чёпинге. Наступала очередная пятница, и в груди у меня появлялась брешь. В конце концов я разослала всем сообщения с приглашением. Очередь была не моя, но пусть это станет последней попыткой остаться в группе. Мне никто не ответил. А через два дня позвонила мама близняшек.

– Приве-е-ет! – произнесла я с напускной радостью.

– Хм... привет.

– Как дела?

Вопрос повис.

– Ну, в общем...

Видимо, они бросили жребий или рассчитались по ка-

кой-нибудь детской считалке, чтобы выбрать того, кто мне позвонит. У них все решения принимались так.

– Мы уже назначили встречу в следующую пятницу. Понимаешь, некоторые девочки считают, что общаться с Фабианом невозможно. Поэтому мы вас не пригласили.

– Невозможно?..

Слова застряли у меня в горле.

– С ним постоянно возникали сложности, – сообщила мне мама близняшек. – Я пыталась заставить остальных мам относиться к нему по-другому, но у меня не получилось. Мне жаль, понимаешь? Но мы точно увидимся, в подготовительной школе или где-нибудь еще.

Телефон у меня в руке стал тяжелым. Она попрощалась, в трубке щелкнуло. Я налила себе бокал вина и пошла к Фабиану, который лежал на полу и строил башню из кубиков.

– Ты самый лучший ребенок, о котором любая мама может только мечтать, – сказала я и села рядом с ним.

Он посмотрел на меня удивленно. Я обняла его, но он убрал мою руку.

О чем тут, собственно, жалеть? Если честно, то группу эту я ненавидела. Странно, что я вообще так долго выдержала среди ангелоподобных мамаш, уверенных, что их появившиеся в результате непорочного зачатия и кесарева сечения, вскормленные просекко отпрыски посланы с небес на землю, чтобы спасти человечество. На таких я вдоволь насмотрелась в Штатах.

Но если бы только эти «Мамашки». Если бы этим все ограничилось...

9. Жаклин

До катастрофы

Лето 2015 года

Первый раз в жизни я ждала ежегодный праздник на Горластой улице. Бьянка и Микки казались очень приятными людьми, и мне хотелось познакомиться с ними поближе. В том числе и ради Фабиана. Всю последнюю неделю он без умолку говорил о Вильяме и Белле.

– Они что, не придут? – спросил Фабиан, когда мы появились в саду Гун-Бритт и Оке через минуту после назначенного времени.

– Думаю, они вот-вот будут, – тихо ответила ему я.

В следующую секунду они действительно показались из-за угла. С цветами и коробкой конфет из разряда «подарить кому-нибудь при случае». Фабиан тут же увел Вильяма в сад. Оке постучал по бокалу и прочистил горло.

– Добро пожаловать в дом номер двенадцать, – провозгласил он. – Как прекрасно, что на традиционном и очень важном для нас празднике собрались обитатели всех домов нашего квартала. Мы с Гун-Бритт поступили немного неразумно, и все это, конечно, не ко времени, но нам нравится соблюдать традицию. В следующем году этот праздник пройдет уже в четырнадцатый раз.

По садовой лужайке пробежал легкий гомон, а Ула ини-

цирировал робкие аплодисменты.

– Да, и теперь из старых жильцов тут остались только я и Оке, – вздохнула Гун-Бритт.

– Старики и слабаки сошли с дистанции, – хохотнул ее муж.

Оке в своем репертуаре. Он же прекрасно знает, как много Бенгт значил для Фабиана.

– Может быть, нам всем имеет смысл по очереди рассказать о себе, – предложила Гун-Бритт. – Ведь к нам присоединились новые лица.

– Отличная идея, – поддержал Ула, который только что поздоровался за руку с Микки и Бьянкой. Это была их первая встреча.

– Я могу начать, – взял инициативу Оке и сразу застрочил как из пулемета: – Родился в сорок шестом, в один год с его величеством, сорок семь лет проработал на железной дороге, сейчас на пенсии. Двое детей, оба депортированы в столицу, пять внуков, одна жена. Вот эта. – Он ткнул пальцем в сторону Гун-Бритт.

– Эта? – рассмеялась она. – То есть я, да? Ну ладно, я так я. Я много лет сидела дома с детьми. Сюда мы переехали из Мальмё, когда они пошли в школу. Оке построил этот дом сам. – Она повернулась к мужу, который от ее слов стал как будто выше ростом.

– Впечатляет, – произнес Микки и тут же, отвернувшись к Белле, попросил ее не трогать цветы и садовые украшения.

Это я их предупредила. У Гун-Бритт и Оке все как в музее – смотреть можно, трогать нельзя. Маниакальный порядок во всем до последней мелочи. Фабиан однажды получил горький урок.

– Ну а когда дети выросли, – продолжила Гун-Бритт, – я пошла работать в супермаркет и трудилась там до пенсии. Нам с Оке всегда нравилось жить здесь, и мы очень ценим дружбу с соседями.

– Ничего важнее этого нет, – добавил Оке. – Маклеры всегда говорят о квадратных метрах, расположении, хорошей планировке и тому подобном. Но важнее всего – по-настоящему хорошие соседи. Как вы считаете, Бьянка? Вы ведь тоже маклер?

Бьянка замешкалась с ответом, но потом произнесла:

– Да, пожалуй, так. Соседи, без сомнений, очень важны.

Мы все посмотрели друг на друга, кивнули, улыбнулись и подняли бокалы.

Чистейшая фальшь, доморощенный театр. Интересно, Бьянка и Микки это заметили?

– Теперь ваш черед. – Оке махнул своим бокалом в мою сторону.

– Э-э-э... – Что бы такое им сказать, чтобы не выглядеть уж слишком нелепо? – Ну-у, меня зовут Жаклин, как вам всем известно.

– Вы давно здесь живете? – спросил Микки.

– Мы купили дом восемь лет назад, когда Фабиану было

пять. Я десять лет жила в США, но, когда он родился, вернулась в Швецию.

– Она была фотомodelью, – сообщил Оке.

Я сделала глоток и посмотрела вдаль. На самом деле я должна гордиться своей карьерой, но знаю, что думают люди. Конечно, на многих это производило впечатление, но первое восхищение быстро сменялось презрением. Модель? Мы знаем, что это означает.

– Но моделью вы больше не работаете? – Вопрос Бьянки прозвучал скорее как утверждение.

– Нет, – рассмеялась я, – для этого я уже слишком старая и некрасивая.

Все дружно запротестовали, а я показала на Улу:

– Передаю эстафету.

Он закусил губу и начал переминаясь с ноги на ногу.

– О'кей, меня зовут Ула. Я переехал сюда... э-э-э... сколько уже... да, два года назад. Живу в четырнадцатом доме, работаю в банке.

Оке похлопал его по плечу:

– Если вам понадобится кредит, обращайтесь к Уле.

Тот посмотрел на меня, незаметно для Оке закатил глаза и продолжил:

– Что еще сказать? Был женат, но недолго. Живу с двумя котами – Хугином и Мунином⁷. С ними, признаться, намно-

⁷ *Хугин и Мунин* – пара воронов в скандинавской мифологии, которые летают по всему миру и сообщают богу Одину о происходящем.

го проще, чем с женщинами.

Микки и Бьянка натужно рассмеялись.

– Уле трудно находить общий язык с мыслящими индивидами, – произнесла я.

– Ха! Да у моих котов уровень интеллекта выше, чем у большинства знакомых мне людей.

В этот момент Бьянка как будто случайно чихнула, прикрыв руками нос и несколько раз моргнув.

– Это домашние коты, на улицу они не выходят, так что не беспокойтесь, – засмеялся Ула.

– Вы слышали? – сказала я. – Он еще и держит друзей взаперти!

Улу я знала и не собиралась позволять ему строить из себя такого искреннего рубаху-парня. Он открыл было рот, чтобы продолжить, но вмешалась Гун-Бритт:

– А теперь мы хотим услышать о вас, Микаэль и Бьянка! Нам всем очень любопытно.

Бьянка огляделась в поисках Микки, который следил за Беллой и клумбой, на которой цвели знаменитые розы Гун-Бритт. Бьянка попыталась поймать его взгляд, но быстро поняла, что ей придется выпутываться самой.

– Не знаю, насколько мы сможем оправдать ваше любопытство, – начала она. – Мы из Стокгольма, как вы уже знаете.

– Из каменных джунглей, – хохотнул Оке.

– А почему Чёпинге? – спросил Ула. – Как вы вообще на-

шли это место?

– Мы жили в самом центре. Для детей там не вполне безопасно. В Стокгольме всякое происходит.

– В Стокгольме происходит всякая дрянь, – категорично заявил Оке.

Ула потер рукой подбородок:

– И вы решили уехать в Сконе, но это же очень далеко?

– В Сконе нам всегда нравилось.

– Здесь можно купить просторное жилье за те же деньги, – заметил Оке.

– Да, конечно. К тому же Микки нашел тут работу, и нам очень понравился этот дом. И сам район. Все очень быстро решилось.

– Невероятно смело, – кивнула Гун-Бритт.

Я мысленно согласилась. Я знала, что такое переезжать на новое место. А еще я знала, что за переездом, как правило, что-то стоит. Что-то такое, от чего убегают.

– Вы, значит, риелтор? – спросила Гун-Бритт.

– Да, – улыбнулась Бьянка. – Попытаюсь освоить сконский рынок.

– В Чёпинге есть местное бюро, – сообщил Оке, – тамошним дамам стокгольмский дух пойдет на пользу.

Губы Бьянки улыбались, но по глазам я видела, что ей неприятно. Когда мы встретились взглядами, я слегка качнула головой, показывая, что понимаю ее. Бьянка была мало похожа на ту, кто станет продавать выморочное деревенское

жилье.

Тем временем Гун-Бритт отвела Оке в сторону. Тот посмотрел на жену и откашлялся.

– Теперь, думаю, мы обязаны выпить за наших новых соседей. – Он снова наполнил бокалы. – Микаэль и Бьянка, Вильям и... Белла! Добро пожаловать на Горластую улицу!

Вскоре все расселись в садовые кресла, а Оке положил на гриль свиные котлетки.

– Тут, в Сконе, мы называем это корейкой.

Я скривилась:

– «Котлетки» звучит аппетитнее.

Оке задал тональность, и все остальные слаженно подхватили короткую заздравную песню «До дна». Прошло немного времени. Гун-Бритт, хихикая, пролила кофе на скатерть. Ула налил виски Микки. Подали «десерт мечты»: сливки, шоколад и мороженое.

Стемнело, Белла уснула на руках у Бьянки, а я радовалась, наблюдая, как Фабиан играет с Вильямом на газоне. Ему действительно недостает соседей-приятелей. Вильям, конечно, младше, но это не важно, если им хорошо вместе и они ладят. А вот Белла, предупредила я Фабиана, слишком мала. Буду следить, чтобы они не оставались наедине.

Микки и Ула обсуждали кредиты и ренту, Оке подливал им в бокалы. Мы с Бьянкой увлеченно беседовали о местных школах, их репутации, преимуществах и недостатках,

но вдруг я заметила, что Бьянка смотрит куда-то в сторону. Похоже, она перестала меня слушать и сосредоточенно вглядывалась в сад за моей спиной.

– Что там? – спросила я.

Она встала и принялась ходить по саду.

– Где Вильям? Вы видели, куда они ушли?

Все разговоры за столом прервались.

– Я думал, ты за ними присматриваешь, – сказал Микки.

Бьянка сердито отмахнулась и позвала:

– Вильям!

– Он наверняка где-то с Фабианом, – сказала я. – Ничего страшного.

Но Бьянка нервно ходила туда-сюда, всматриваясь в темноту.

– Пойдемте поищем, – предложила ей Гун-Бритт и открыла калитку.

Я посмотрела на Микки и тех, кто оставался за столом, и сказала:

– Они, наверное, пошли к нам. Я сбегаю посмотрю.

Когда я вставала, то почувствовала, что земля качается под ногами. Неужели я так набралась?

– Я провожу, – сказал Ула, и я не успела возразить.

В общем дворе горел одинокий фонарь, небо было исколото звездами. Тишина, лишь стук моих каблучков по асфальту.

– Подожди! – крикнул Ула, который смог догнать меня

только у самых ворот.

Открывая входные двери, я затылком почувствовала его дыхание. Он прошел за мной в прихожую. Темно и тесно. Я нащупала выключатель, но не нажала. Я уловила его запах и вздрогнула, когда плечо Улы, кожа к коже, коснулось моего. Мы стояли слишком близко друг к другу. До моих губ долетело его дыхание, рука осторожно коснулась моего бедра.

– Прекрати, – сказала я.

Но прозвучало это так, как будто я хочу обратного.

Его рука на моих ягодицах. Он прижал меня к себе:

– Давай же.

– Уходи, ты пьян, – сказала я.

Он усмехнулся и поцеловал меня жестко и жадно. А потом зажглась люстра. И, залитые ее светом, мы увидели перед собой Фабиана и Вильяма.

10. Микаэль

После катастрофы

Пятница, 13 октября 2017 года

В комнате для родственников пациентов отделения реанимации холодные стены. От окна дует, я сажусь на стул, он скрипит, я листаю брошюры с информацией, но не понимаю, что читаю, с тем же успехом они могли быть написаны по-гречески.

– Где моя жена?

Молоденькая медсестра, которая привела меня сюда путаными коридорами и лестницами, смотрит с сочувствием:

– Как только врачи определятся, они придут сюда и все вам сообщат.

Дрожащими пальцами ищу в списке контактов номер Сиенны. Между сестрами пять лет разницы и шестьдесят миль, и, насколько мне известно, они никогда не были по-настоящему близки. Когда мы виделись в последний раз? Наверное, на похоронах их отца. У Сиенны тогда был новый муж, новые губы и двое детей-подростков. На церемонии она с трудом выдавила из себя слезу. Вполне в ее духе, сказала потом Бьянка.

– Здравствуйте, – произношу я, когда на звонок отвечают. – Это Сиенна?

– Микки? Что-то случилось?

Иначе зачем бы я звонил?

– Бьянка попала под машину. На велосипеде.

Сиенна на несколько мгновений замолкает.

– Она сильно пострадала?

– Не знаю. С ней сейчас врачи. Я только что приехал в

больницу.

– Что? Что произошло?

– Ее сбила машина соседей. Когда ее забирала «скорая», она была без сознания.

Сиенна со свистом выпускает воздух.

– А дети?

– С ними все в порядке. Бьянка хотела быстро съездить в супермаркет.

– Я... я приеду.

Сперва я не понимаю, что она имеет в виду.

– Я немедленно вылетаю.

– Может, лучше подождать? Пока врачи что-нибудь скажут?

На миг становится тихо, а потом она повторяет:

– Я приеду.

Медсестра периодически поднимает на меня глаза. Спрашивает, как я себя чувствую, не нужно ли мне чего-нибудь. Отвечаю, что хочу узнать, как моя жена.

Спустя минуту, десять или сто, я потерял счет времени, телефон издает сигнал, на экране мелькает новое сообще-

ние. Перед глазами все плывет.

Прости!!! Я понимаю, это мелко, но что еще я могу написать. Пожалуйста, прости!!! Не знаю, как это могло случиться. Она внезапно выехала на дорогу прямо передо мной. Я хотела бы поменяться с ней местами. Я никогда себя не прощу. Как такое могло случиться?

Кликаю на сообщение и читаю его еще раз. Начинаю писать ответ, но стираю. Пишу снова и опять удаляю. В конце концов прячу мобильный. Что здесь скажешь?

– Пришел доктор, – сообщает медсестра.

Врач – мужчина моего возраста с перебитым боксерским носом. Пожимая руку, смотрит мне прямо в глаза и называет свое имя: Ариф.

– К сожалению, у Бьянки кровоизлияние в мозг. Это очень серьезно.

Вокруг все темнеет. Слова повторяются в голове эхом, я перестаю чувствовать собственные ноги.

– Ее везут в операционную, – продолжает врач.

Ноги медленно немеют, я готов упасть.

– Как – в операционную? Она же поправится, да?

Мягкие карие глаза доктора по имени Ариф смотрят в сторону. Он делает глубокий вдох, несколько раз моргает, а когда выдыхает, все его боксерское тело словно сжимается.

– К сожалению, пока ничего сказать нельзя. Мы сейчас попытаемся остановить кровотечение.

Он смотрит в стену мимо меня.

Я не вполне понимаю, что происходит дальше, медсестра, видимо, берет меня за локоть, чтобы я не упал.

Все по-прежнему как в тумане, кружится голова, и мне никак не унять дрожь. Телефон снова вибрирует. На дисплее номер Гун-Бритт. Объясняю, что Бьянке будут делать операцию.

– О нет! Дорогая, милая Бьянка!

– Как дети?

– В шоке. Волнуются.

Мне трудно говорить, но я должен им что-то сказать.

– Вы можете включить громкую связь?

Гун-Бритт тяжело дышит и, кажется, открывает дверь.

– Полиция отпустила Жаклин, – сообщает мне она. – Они ее быстро допросили у нас на кухне и отпустили домой. Хорошо хоть машину забрали.

На это я не отвечаю. У меня нет сил.

– Самое важное – чтобы Бьянка поправилась.

– Да, конечно.

Раздается треск и звук изменяется, когда она включает динамик. Я пытаюсь сосредоточиться.

– Папа?

Я слышу голос Вильяма.

– Малыш.

В горле растет ком, я стараюсь сдержать слезы.

– Сестренка тоже рядом?

Белла отвечает сама:

– Ты приедешь домой? Доктор уже вылечил маму?

– Нет, но скоро, – сдавленно шепчу я. – Сначала ей сделают операцию. А потом мама вернется домой.

– Это долго? – спрашивает Белла.

– Не знаю.

Вильям явно нервничает:

– А где ей будут делать операцию?

– В голове.

Я не хочу ничего скрывать, но они все-таки дети.

– Тут очень хороший доктор, и он обязательно вылечит маму.

– Обещаешь? – спрашивает Белла.

– Обещаю.

Обещаю и клянусь. Что еще остается?

– Я скоро к вам приеду. – Я чувствую, что больше ни минуты не могу без них. – Я вас люблю.

Гун-Бритт выключает громкую связь и снова закрывает двери:

– Это настоящий кошмар, Микки.

– Да. Здесь я сейчас ничем помочь не могу. Я еду домой, к детям.

– Мы с Оке рядом, вы же знаете.

– Сестра Бьянки тоже приедет, – сообщаю я.

– Сиенна? Я думала, они не общаются.

Я тоже так думал. Откуда Гун-Бритт знает, как ее зовут?

– Послушайте, – Гун-Бритт понижает голос, – в том, что случилось, виноваты вы. Вы же понимаете это, да?

11. Микаэль

До катастрофы

Лето 2015 года

В одно из последних воскресений лета меня разбудил голос с нижнего этажа:

– Есть кто-нибудь? Вы дома?

Бьянка побежала по лестнице в трусах и рубашке, а я смотрел вниз, наклонившись через перила. В холле стоял Фабиан, в застиранной футболке и бермудах, его короткие, кое-как стриженные волосы были взъерошены еще больше, чем обычно.

– А чем вы занимаетесь? – спросил он, глядя вверх на меня.

– Спим, – ответила Бьянка.

– Так долго? Можно мне войти?

Как будто он уже не вошел.

Я вздохнул, Бьянка, обвязавшись вокруг талии баннным полотенцем, поспешила в кухню.

– А который час? – спросила Бьянка.

– Не знаю, – ответил Фабиан.

– Как ты попал в дом? – крикнул я сверху.

Он запрокинул голову и улыбнулся так широко, что при желании я мог бы разглядеть миндалины.

– Через дверь, конечно.

– Разве она была открыта? – спросила Бьянка.

И оба они посмотрели на меня.

– Не знаю, – ответил я. И тут же добавил: – Я исправлюсь.

После переезда в Чёпинге у меня появилась плохая привычка оставлять наружную дверь незапертой. В Стокгольме такое совершенно немыслимо, но тут другое дело. Запираться здесь казалось излишним.

– Звонка же нет, – объяснил Фабиан.

– И то верно, – вздохнул я.

Звонок так и лежал в одной из коробок из-под бананов, что стояли вдоль стенки в гостиной. Как только я о них вспоминал, у меня начиналась мигрень.

– Можно мне побыть у вас? Я могу помочь красить. Или поиграть с Вильямом.

Бьянка бросила на меня умоляющий взгляд. Мы оба считали, что Фабиан слишком взрослый, чтобы играть с Вильямом, но ни я, ни она не решались об этом сказать.

– Можно, но позже, – сказала Бьянка и посмотрела на дисплей телефона. – Сейчас только четверть восьмого.

– О'кей, – ответил Фабиан. – А когда будет можно?

– Приходи через несколько часов.

– Несколько часов? – переспросил он. – А точнее нельзя?

Бьянка сдержала вздох:

– Через два часа. Возвращайся через два часа.

И он вернулся. Он всегда возвращался.

Вечно возникал в саду, у ворот, в гараже, в общем дворе. Такой черт из табакерки. Отвернешься на минуту – парень тут как тут, стоит и что-то говорит прямо тебе в ухо.

– Он как привидение, – как-то сказал я Бьянке. – Появляется ниоткуда.

– И похоже, интересуют его не игры с Вильямом, – заметила Бьянка.

– Вот-вот, ему нужны именно мы.

Мы рассмеялись, и капля краски упала с моего валика на пол.

– Черт, везде эта краска.

– Думаешь, он с диагнозом? – спросила Бьянка.

– Наверняка. Народ сейчас получает диагнозы чаще, чем письма по почте.

Бьянка рассмеялась и брызнула в меня кистью.

– Не надо красить все только в черное и белое. Хорошо, что людям сейчас помогают. И что каждый может узнать, почему он чувствует то, что чувствует.

– Конечно. Но иногда получается чересчур. Разве нужно наклеивать ярлыки на каждую личность?

– Пожалуй, нет. – Бьянка задумалась. – Что ты думаешь о Фабиане? Синдром Аспергера?

– Не знаю.

– Он очень начитан в некоторых областях, – сказала Бьянка. – Я думаю, он умный. И речь у него более взрослая, чем у нормального тринадцатилетнего подростка.

– С интеллектом у него точно все в порядке, – сказал я.

– Тогда что? – настаивала Бьянка.

Если б я знал.

Я немного помолчал, а потом сказал:

– В школе много учеников с синдромом ЧТНТ.

– ЧТНТ? – переспросила Бьянка.

Я смущенно улыбнулся:

– Что-то-не-так.

В том же месяце я приступил к новой работе – учителем физкультуры в старших классах школы Чёпинге. На крыши домов мягко опускалось утро, сквозь густые облака пробивалось солнце, я ехал на велосипеде вдоль речки на восток. Место работы я менял несколько раз, но это всегда были стокгольмские школы, и я никогда не волновался. На этот раз у меня слегка сосало под ложечкой, когда я, припарковав велосипед в школьном дворе, впервые направился к входу. Все было по-новому. Летом я один раз встречался с директором. Это был приятный мужчина лет пятидесяти, который любил и Транстрёмера⁸, и «Тоттенхэм Хотспур»⁹. Теперь же, чтобы посмотреть на меня, в зале школы собрался весь педагогический коллектив. Еще бы, новичок. Из самого Стокгольма.

Через неделю начались уроки, и я познакомился с учени-

⁸ *Тумас Йоста Транстрёмер* (1931–2015) – шведский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе.

⁹ «*Тоттенхэм Хотспур*» – английский профессиональный футбольный клуб.

ками, вежливыми, воспитанными и в целом очень милыми, хоть я и не всегда понимал их сконский диалект. В подавляющем большинстве это были благополучные дети из семей среднего класса, в свитерах «Гант» и модных узких джинсах. Но были и те, кто приезжал из сельских районов, для которых Чёпинге считался центром, – ребята в кроксах и кепках козырьком назад; их свозили автобусами из Альсторпа, Хофтенторпа и прочих мест, которые пролетаешь, не успевая глазом моргнуть.

Все мои волнения быстро улетучились. Школа Чёпинге мне понравилась. Сплоченный коллектив, хотя было трудно избавиться от ощущения, что ты новичок в замкнутом мире, где все знают всё друг о друге. Учителя держали учеников под полным контролем.

Тот живет там-то и там-то. Этот внук такой-то и играет в одной футбольной команде с таким-то, а с мамой вон того я училась в одном классе.

– Так всегда получается в маленьких городах, – сказала мне преподавательница английского Май-Роуз в учительской за чашкой кофе из автомата.

А обладатель моржовых усов Рон, преподававший музыку, добавил, что никто эту стратегию и не скрывает:

– Директор принимает на работу исключительно жителей Чёпинге.

Поэтому-то он и спрашивал у меня на интервью, не собираюсь ли я поселиться в Мальмё или Лунде. На уроках

физкультуры в нашем распоряжении были большой спортзал, футбольное поле, хоккейная и баскетбольная площадки, беговые дорожки и стойки для прыжков в высоту. Мы были полностью обеспечены самым современным инвентарем, многие ученики активно занимались спортом, играли в футбол, гандбол, плавали, увлекались конным спортом и гольфом. Просто день и ночь в сравнении со школами в стокгольмских пригородах, где я работал раньше.

Как-то в пятницу в сентябре я заканчивал занятие в девятом «А» игрой «оторви хвост» – в ней нужно оторвать как можно больше «хвостов» у товарищей, сохранив при этом собственный.

На обеденном перерыве я забыл зайти в туалет и, не в силах дотерпеть до конца урока, поручил следить за игрой двум ответственным девочкам, которые сами были освобождены от физкультуры из-за простуды. Уходя, предупредил:

– Я отлучусь не больше чем на пять минут.

Пропахшая потом раздевалка мальчиков находилась ближе всего, я быстро повернул к туалету и дернул за ручку двери. Черт. Занято.

– Фабиан? – Я заметил его в самом дальнем углу душевой, он стоял, засунув руку в серебристую куртку, висевшую на одном из крючков. – Что ты делаешь?

Когда я подошел, он не сдвинулся с места.

– Это не то, что вы подумали, – проговорил он, – я... я...

Не думая, я схватил его руку и выдернул ее из кармана

дорогой брендовой куртки. На пол упали ножницы.

– Что ты делал?

Я понял это, сняв куртку с крючка. Он ее порезал. Эксклюзивную ткань рассекала огромная прореха.

– Я не первый начал, – сказал Фабиан. – Это просто моя ответочка.

Я был в таком шоке, что забыл про туалет.

– Что ты имеешь в виду? Что кто-то раньше испортил твою одежду?

Я внимательно осмотрел его с головы до ног. Кепка «БМВ», штаны на подтяжках и некогда белые кроссовки.

– Нет, но они сделали много другого.

– Чего, например?

Его лицо искривилось в упрямой гримасе. Если они над ним издевались, он об этом ни за что не расскажет.

– Как бы они ни поступали, так делать нельзя, Фабиан. Если кто-то плохо обращается с тобой, нужно говорить об этом учителям или маме. Мсть – это неправильно! Получается порочный круг.

– Простите, – сказал он.

– Чья это куртка? – дернул я серебристый рукав. – Тебе придется извиниться. А потом мы позвоним твоей маме. Вам надо будет возместить стоимость.

– Нет! Не надо маме! Я сам отдам деньги. – Он умолял, сложив ладони. – Микки, пожалуйста! Мама не должна об этом знать. У нее и так плохо с деньгами!

На него было больно смотреть. Но выбора у меня не было.
Или был?

Черт возьми, он изрезал чужую куртку!

– Я признаюсь и попрошу прощения, – умолял Фабиан. –
Деньги принесу в понедельник! Только не вешивайте сюда
маму!

Мне было жаль его, но я все-таки рассказал.

12. Фабиан

До катастрофы

Осень 2015 года

Люди как загадки, а загадки мне никогда не нравились. Ответы всегда дурацкие и притянуты за уши. «Что идет, оставаясь на месте?» Ха-ха-ха. Полный отстой.

Мне никогда не нравилось то, что любят сверстники. Когда они в детском саду играли в маму и папу, я сидел и думал, что попал не на ту планету. В младших классах все мальчишки играли в футбол. Спорт я ненавижу. Мерзость. Девчонки прыгали со скакалкой или просто играли, а я сидел в углу с книжкой.

Ненавижу «Мелло»¹⁰ и musical.ly¹¹. Всю эту фигню в социальных сетях. Я люблю чему-нибудь учиться и читать. Но не придуманные истории – меня интересует реальность.

Мне нравятся машины и компьютеры. «БМВ» и игры «Каунтер Страйк»¹². Чувства и все такое меня не очень занимают. Люди слишком много говорят. Им все время надо спо-

¹⁰ «Мелло» («Мелодифестивален») – музыкальный конкурс, который организует шведская государственная телекомпания.

¹¹ Речь идет о социальной сети для создания видео, прямых эфиров и обмена сообщениями.

¹² «Каунтер Страйк» («Контрудар») – серия компьютерных игр в жанре командных «стрелялок».

ритель, обсуждать, высказываться. Что плохого в молчании и одиночестве?

Большинство считает, что у меня с головой не в порядке, я чокнутый и сам не замечаю, что я не такой, как они. Но на самом деле у них самих проблемы с башкой. Идиоты! Говорят, что любят разное и каждый имеет право быть собой. Вранье, пустые слова.

Я предпочитаю машины и компьютеры. И животных.

Если бы мама не так боялась собак и у нас было больше денег, у меня была бы собака. Лабрадор или боксер. Говорят, собака – лучший друг человека. Верный и преданный.

Самое страшное наказание для собаки – когда ее исключают из своры. Не ругают, не бьют, не морят голодом. Хуже всего, когда ее оставляют одну. Не пускают к другим.

Люди тоже во многом как животные. Мы просто убедили самих себя, что мы особенные.

Я жил в разных местах, но ничего о них не помню. И ладно. Я родился в Калифорнии, в США, на другой стороне Атлантики. И однажды туда вернусь. А Чёпинге – реальная жопа. Стая в десять тысяч человек. Крысиная. Мама жила во многих таких местах и говорит, что везде одно и то же. Раньше здесь хотя бы был Бенгт, но сейчас тут пусто. Бессмысленно. Через пять лет я сдам на права. И сразу уеду. В Калифорнию, в автомастерскую к отцу, работать в гараже. А мама будет сидеть на веранде за сетчатой занавеской от комаров и пить рутбир.

По Чёпинге я скучать не буду. Дыра, которая не стóит ни слов, ни воспоминаний.

Сначала мне казалось, что после приезда Микки и остальных станет лучше. Я слушал мамины вдохновенные рассказы, хотя точно знал, что у нее на уме.

Конечно, Микки классный. Тут я редко ошибаюсь, обычно я быстро различаю фальшивых людей. А после этой истории с курткой Рубена он вообще стал для меня прозрачным, и я вижу его насквозь. Когда я вернулся домой, мама сидела за столом на кухне и плакала. Тысяча двести крон за тряпку. Ей придется брать кредит.

Как я мог? Она была такая грустная. Несчастливая.

Ненавижу смотреть на нее, когда она такая.

Если бы Микки ничего не сказал, я бы сам как-нибудь достал деньги.

– Почему всё всегда так, Фабиан? – спросила мама.

Если б я знал. Больше всего мне хотелось пообещать, что это никогда не повторится, но я не даю обещаний, если нет стопроцентной уверенности, что смогу их сдержать.

Позже в ту же пятницу случилось кое-что еще, совершенно безумное.

Весь вечер я проторчал за компом. За окном совсем стемнело. Потом я услышал, что мама в спальне. Дверь была закрыта, но я сразу почувствовал – что-то не так. Подкрался и прислушался. Мама разговаривала шепотом. Она говорит с кем-то по телефону?

Я догадался по тембру. Глухому и низкому, хотя он тоже разговаривал шепотом. Мужской шепот не похож на женский. И смеялся он по-другому.

Мне стало очень жарко, в голову ударила кровь.

Я узнал, узнал этот голос. После того как мы уехали из Калифорнии, он был со мной всегда. Говорят, что плод умеет различать голоса родителей еще до рождения.

Он приехал, чтобы забрать нас домой.

13. Жаклин

До катастрофы

Осень 2015 года

Что делать, когда понимаешь – с твоим ребенком что-то не так? Закрывать глаза. Надеяться, что тебе просто показалось, это возрастное и пройдет. Убеждать себя: все люди разные и каждый уникален, нет единственно правильного образа жизни.

Но он – мой ребенок. Своему ребенку всегда желаешь лучшего, а «лучшее» это чаще всего «быть как все», не слишком выделяться, не быть странным или другим.

Когда я начала что-то замечать? На самом деле намного раньше, чем смогла себе в этом признаться. И в тот момент, когда я купила дом и мы переехали в Чёпинге, я уже все знала.

Фабиану было пять, мне хотелось создать ему самые лучшие условия. Более подходящего места для ребенка я не могла представить. Чёпинге, где все здороваются друг с другом, где можно объехать на велосипеде весь район, не пересекая ни одного перекрестка, где у школ отличный рейтинг и везде, даже в самом дальнем закоулке, идеальные чистота и порядок. Ни дать ни взять Бюллербю.

Маклер уверял, что о таком доме можно только мечтать. Конечно, для двоих он был немного великоват, но мы с Фа-

бианом тогда не думали, что проживем здесь десять лет в одиночестве.

Когда Бенгт упал с лестницы и сломал шею, часть Фабиана как будто тоже умерла. Он замолчал и закрылся у себя на несколько дней. Не плакал, но отказывался разговаривать. А когда я предложила ему помощь психолога, он так сильно ударил кулаком о дверной косяк, что в кровь разбил костяшки пальцев.

Потом стало чуть лучше, но в норму он не пришел. Фабиан почти не улыбался. Сидел у компьютера или с книжкой и на все обращения отвечал только «да» или «нет».

Самое страшное – когда ты видишь, как твоему ребенку плохо.

И только тем летом, когда приехали Микки и Бьянка, ситуация начала меняться.

Как-то в пятницу в сентябре я поехала на машине в Лунд за вином и случайно слишком сильно нажала на газ. Музыка в салоне играла на полную мощность, и черный «вольво» я заметила только после того, как он, совершив крутой обгон, затормозил прямо передо мной. Вот придурак. Я уже собралась ему посигналить, но тут на «вольво» загорелся синий маячок. На обочине было место для остановки. До того как полицейский подошел, я успела найти в сумке жвачку и опустить боковое стекло.

– Вы ехали с превышением скорости. Куда-то спешите? –

Полицейский сунул голову в салон – и уперся в мое декольте.

Конечно, я могла бы возмутиться, но вместо этого решила подыграть и сказала:

– Извините, констебль.

– Петер, – ответил он.

– Простите?

– Меня зовут Петер. Вам не нужно называть меня «констебль». Будьте добры, ваши права.

Я поставила сумку на колени, слишком сильно наклонилась вперед и очень долго искала кошелек.

– Жаклин Эва Селандер, – прочел он и посмотрел так, как на меня обычно смотрят все мужчины.

– Просто Жаклин, – сказала я.

– Впереди школа, просто Жаклин. Поэтому тут надо ездить помедленнее.

Я притворилась маленькой и взмахнула ресницами:

– Простите... Петер.

Он сделал шаг назад. А в полицейской форме что-то есть. К тому же этот Петер, судя по всему, не вылезает из тренажерного зала.

– Вообще-то, обычно я не лихачу.

Так говорила героиня одного фильма. От сердитого настроения Петера не осталось и следа. Возвращая мне права, он просто сиял.

Реальный мачо. Из-под рубашки выпирали мускулы, обвитые жилами.

– Похоже, я обязан взять у вас номер телефона.

Очередное подтверждение, что я еще ничего. Иногда это нужно. Ровно сутки Петер присылал текстовые сообщения и мемы. На вторые сутки мы переспали.

14. Жаклин

После катастрофы

Пятница, 13 октября 2017 года

Когда я выхожу из кухни Бьянки и Микки, мне кажется, что температура упала на несколько градусов. Оке на диване читает новости на канале «ТВ-текст», Гун-Бритт увела детей наверх. В тишине скрыты капканы. Я надеваю кофту и подхожу к сидящему в кресле Фабиану:

– Вставай, пойдем домой.

Он на меня даже не смотрит. Мне хочется взять его и встряхнуть, погладить, обнять. Как это делают мамы. Но вместо этого я просто говорю:

– Идем!

Полицейский в дверном проеме внимательно смотрит на нас. Оке тоже.

– Вы ее не арестуете? – спрашивает Гун-Бритт. Она стоит на лестнице и так крепко сжимает перила, что они вибрируют. – Она алкоголичка, – выпаливает Гун-Бритт.

Она никогда не скрывала собственного презрения, но это уже переходит все границы.

– С тех пор как вы сюда переехали, от вас одни неприятности. Видишь, что ты натворила! Ты этого хотела, да?

Полицейский смотрит на меня. Нужно промолчать, взять себя в руки. Что бы я ни сказала, они истолкуют это против

меня.

– Успокойся, – говорит жене Оке.

– Ты понимаешь или нет? Бьянка, возможно, никогда больше не придет в себя!

Она облачает в слова самые страшные опасения. Я отстранялась от них, но сейчас на меня обрушивается реальность. Гун-Бритт права. Во всем виновата я.

– Это для всех шок, – произносит Оке.

Гун-Бритт продолжает:

– Что, если ты ее убила? Как ты могла?

«Заткнись!» Мне очень хочется крикнуть это, но я сдерживаюсь и отворачиваюсь.

– Это был несчастный случай, – удается мне выдать из себя.

Гун-Бритт не успокаивается.

– Ты сама – несчастный случай, Жаклин, – театрально всхлипывает Гун-Бритт, а Оке спешно обнимает ее за плечи:

– Ну-ну...

Я тону. Больше всего мне хочется уйти на дно, исчезнуть, пока все не закончится. Я хватаю Фабиана за руку и тащу его за собой. Только в прихожей он успеваает вывернуться.

– Мы в таком же отчаянии, как и вы, – говорю я.

Гун-Бритт отталкивает Оке и, размахивая руками, кричит полицейским:

– Почему вы ничего не делаете? Остановите ее!

Полицейский, который допрашивал меня, пытается ее

успокоить. Объясняет, что проверил меня на алкогольное опьянение. И тест отрицательный, следов опьянения нет.

– Последний раз я пила двадцать второго августа, – говорю я.

Клятва, данная Фабиану, тисками сжимает мою голову.

15. Жаклин

До катастрофы

Так наверняка почти у всех девчонок. Нужно, чтобы тебе говорили, что ты красивая. Всегда, что бы ты ни делала, ты должна быть симпатичной или красивой. Так говорят не только родители. Воспитательницы в детском саду, учителя, тренер по плаванию, родственники, знакомые и соседи. В конце концов ты только об этом и думаешь. Подружки. Именно так рождалась дружба.

Какая ты сегодня красивая!

Ой, какая прическа! И ногти!

Я БЕЗ УМА от твоего нового топа.

И парни. Мы позволяли им оценивать нас по этой шкале.

Суперсекси! Вот это задница!

Какая же ты уродка.

У Жаклин не грудь, а прыщики.

Счастье и страдание, успех и унижение. Девочка, ты красавица или чучело?

Граница такая тонкая. Одно слово – и все изменилось.

Я знаю, что должна благодарить собственное тело за многое. Мне не на что жаловаться. Внешность была для меня важнее любого самого крутого диплома. Мое резюме – это мой вес, размеры и просвет между бедрами. Все, что было в моей жизни, – благодаря внешности. Все люди, с которыми

я познакомилась, все, что я съела и выпила. Все вечеринки, на которых я танцевала, и все те, с кем занималась любовью.

Мне было семнадцать, когда я уехала из Швеции по приглашению, от которого не отказался бы никто. Так все говорили. Лучшее мировое агентство, сотни тысяч крон за то, что тебя фотографируют в прикидах, о которых я и мечтать не могла, мое лицо на билбордах, в журналах и по телевизору. Несколько лет я ходила по подиуму в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. С карьерой у меня все сложилось удачно, но ровно перед тем, как мне исполнилось тридцать, работа закончилась, а я оказалась в гостиничном номере с младенцем и начала скучать по дому.

– Что вы умеете? – спросила меня женщина в бюро трудоустройства Тидахольма.

А я не понимала, как она, со своей посредственной внешностью, жирной кожей и редкими волосами, может так счастливо улыбаться?

– Не знаю, – мрачно ответила я. – Я ничего не умею.

Выдвинуть вперед губы, встать на носочки и трахнуть камеру взглядом. Вот и все мои таланты.

– Я в это не верю, – сообщила сотрудница бюро трудоустройства. Кажется, она явно была не на стороне работодателя.

Фабиан у меня на руках орал, как дикий зверь.

– Какой милый! – сказала женщина.

Я бы ей врезала, но нос у нее и так уже был кривой.

Через две недели мы с Фабианом двинули в Йончөпинг. Очередная мамашина телега про то, какая я никудышная родительница, стала последней каплей. Я послала на фиг и ее, и бессловесного папашу и переехала в однушку с мини-кухней к рабочему-бетонщику, с которым переписывалась в каком-то чате знакомств.

На самом деле, когда я уезжала из США, то для себя решила – больше никаких отношений только ради секса и никаких тупых влюбленностей. Всем этим я сыта по горло. Если я когда-нибудь еще свяжусь с особью мужского пола, эта связь будет мимолетной и желательно безымянной. Или же она медленно вырастет из дружбы с человеком, который думает так же, как я, с которым можно вместе состариться, который будет понимать Фабиана и меня.

У бетонщика было отличное оборудование ниже пояса и недоразвитость в области мозга. И, обнаружив как-то в холодильнике шприцы с тестостероном рядом с порошковым молоком, я поняла, что пора искать что-нибудь получше.

На этот раз в жилище не должно быть ни единой Y-хромосомы, кроме той, что стала проклятием для маленького Фабиана.

Моя жизнь редко складывалась так, как я ожидала. Подозреваю, что почти у всех именно так.

16. Микаэль

До катастрофы

Осень 2015 года

Вскоре осень сжала Сконе мертвой хваткой. По радио передавали штормовые предупреждения, от ветра скрипели стены домов и срывало черепицу. Зеленый газон у дома превратился в бурое море палой листвы.

Дни становились все короче, не прекращались ливни. Темно, когда утром идешь на работу, мрак, когда вечером возвращаешься домой.

Мы рано уложили детей, я зажег свечи и открыл бутылку вина.

– Ты же знаешь, что я об этом думаю. – Бьянка кивнула на колышущиеся язычки пламени.

Чувство катастрофы никогда ее не отпускало.

– Обещаю, что задую их прежде, чем мы уйдем из комнаты. – Я подвинулся на диване поближе к ней.

– Когда же мы докрасим? – спросила Бьянка.

Оставалась только наша спальня.

– Давай на выходных? – предложил я.

Не сказать чтобы эта идея меня вдохновляла. Работа в школе отнимала массу сил. Хотя большинство учеников активно занимались спортом, в каждом классе было по паре-тройке ребят, которые по каким-то причинам не любили

физкультуру и здоровье в целом не очень их занимало. Такие вечно забывали дома форму, каждую неделю жаловались на критические дни и тайком курили за пригорком на ориентировании.

Их-то мне и хотелось увлечь. Вдохновить и изменить. Если мне удастся сделать так, чтобы хоть один из них стал лучше, все мои усилия уже пройдут не зря.

– Тебе не надо спасать мир, – повторяла Бьянка, еще когда я работал в Стокгольме.

Но речь не об этом. Я просто не могу спокойно реагировать, когда человек уже в молодом возрасте чувствует себя плохо и ничего не делает, чтобы поправить здоровье. Это и есть мой чертов долг. Вот почему я решил стать учителем.

– Я тебя люблю, – улыбнулась Бьянка и снова слегка покосилась на свечи.

В конце концов я их задул.

– У меня завтра собеседование, – сообщила она.

– Что? Какая хорошая новость! Отлично, дорогая!

– Это, конечно, не то чтобы работа мечты, но как будто бы вполне неплохо. Мне будут платить комиссионные и дадут перспективный район Лунда.

Блестяще! Весь бизнес с недвижимостью построен на комиссионных, а на суперместо она, разумеется, так сразу рассчитывать не может, поскольку почти ничего не знает о местном рынке жилья.

– Я бы, пожалуй, еще немного посидела дома с детьми.

Сейчас у нас все по-новому. На работе буду постоянно нервничать.

– Тут прекрасный детский сад!

– Да, я в курсе. Но ты же знаешь, что дело не в этом.

– Любимая, ты справишься!

На самом деле, когда она вернулась на работу вскоре после рождения Вильяма, это был полный ад. Мы с Вильямом ни секунды не оставались в покое, Бьянка все время звонила, заезжала между встречами и показами, и в конце концов я тоже начал слетать с катушек и сомневаться в себе как в родителе. Не выдержав, Бьянка снова бросила работу, и через несколько недель все параноидальные настроения более или менее улеглись. Пока не пришло время идти в детский сад. Бьянка с трудом отпускала туда Вильяма и не уходила домой, а подолгу торчала под окнами. Переносила на выходные все показы, чтобы забирать его пораньше. А вскоре завела разговор о втором ребенке.

Я смотрел на Бьянку, и меня переполняла нежность.

– Я знаю, что тебе трудно, но мы справимся.

Она сняла заколку, и светлые волосы рассыпались по подушке.

– Я устала оттого, что все время торчу дома. Было бы хорошо познакомиться с кем-нибудь из местных.

– У тебя же есть... как ее зовут... Лиза?

Ее близкая приятельница по риелторским курсам переехала в Сконе примерно год назад.

– Но она живет в Мальмё. А я имею в виду здешних, из Чёпинге. Летом здесь хотя бы встречаются люди на улицах. А сейчас просто город-призрак какой-то.

В этом она была права. С наступлением осени все дворы и улицы пустели, за опущенными жалюзи мерцали телевизоры, а народ сновал от машины до входной двери, волоча за собой портфели и сумки, пакеты из супермаркета и орущих детей. Взгляд через плечо и кивок из кухонного окна – так теперь в лучшем случае выглядел социальный контакт. У всех полно дел и на работе по будням, и дома на выходных. Тренажерный зал, бассейн и визит к родственникам.

– Уверен, что все будет супер. И у тебя появится куча новых друзей.

Она показала, что держит за это кулаки.

– Но меня еще не взяли.

– Разве они смогут тебе отказать? – сказал я и поцеловал ее.

– Спасибо за поддержку, любимый. Ты хороший.

Через два дня она подписала трудовой договор. Это была маленькая частная фирма, расположенная в старом здании на окраине Лунда. Раньше мы о ней ничего не слышали. У Бьянки сложились неоднозначные впечатления о новой работе, но я всеми силами ее подбадривал. Все обязательно будет хорошо. Чёпинге – это наша надежда, новый старт. И тут по щелчку пальцев ничего не бывает, требуется время.

17. Микаэль

До катастрофы

Осень 2015 года

Как-то в пятницу я решил возобновить пробежки. С трудом натянул тайтсы, потом полчаса присобачивал на лоб фонарик, проверял пульсометр и надевал «дышащую» шапочку. Когда все наконец было готово, в окна настойчиво забарабанил дождь.

– Все равно пойду, – заявил я, – на худой конец, это будет заплыв.

Бьянка на диване рассмеялась:

– Может, все же купишь абонемент в тренажерный зал?

– Не могу. Вся эта дрянь сожрала весь бюджет ЗОЖ. – Я показал на свою экипировку с многочисленными спортивными прибрлудами, которые в момент покупки казались страшно нужными.

– От небольшого дождя еще никто не умер, – провозгласил я, хлопнув себя по ляжкам.

– Дорогой, за окном не небольшой дождь. Там Ниагара.

Я открыл наружную дверь и сделал осторожный шаг. Лило как из ведра, но отступить было поздно. Я сделал еще два решительных шага, после чего подпрыгнул так, что меня чуть не откинуло назад в дом.

– Извините.

На нижней ступеньке крыльца стоял Фабиан в натянутой почти на самые глаза бейсболке. Держа руки в карманах, он пялился на струи дождя.

– Ты почему тут стоишь? – крикнул я сквозь шум ливня.

Фабиан начал вращать руками одна вокруг другой:

– Я нажимал на кнопку. Я делал так, как вы сказали, я звонил.

Я попробовал нажать на звонок. Ни звука.

А я полдня устанавливал эту чертову штуку.

– Наверное, что-то сломалось, – произнес я, продолжая давить на пимпочку.

– А вы куда собрались? – спросил он, глядя на меня с нескрываемым скепсисом.

Я поднял лицо и глянул вверх:

– На пробежку.

– Зачем?

Вопрос был вполне уместным. Что ответить, я не знал.

– Бьянка дома? А Вильям и Белла? Можно мне к вам?

– Сейчас нет. Уже поздно.

– Ну ладно.

Он выдвинул вперед нижнюю губу и загрустил.

– Почему ты не дома в такую погоду? – спросил я.

– Не хочу там торчать. Меня мама достает.

– Идем, – сказал я, открывая калитку, – я отведу тебя домой.

Мы побежали по лужам через общий двор.

Оказалось, что я не в лучшей форме. Пульс очень быстро перевалил за сто, и мне было трудно поспевать за Фабианом.

Дверь дома номер пятнадцать оказалась запертой. Фабиан громко постучал, ему сразу открыли, но это была не Жаклин. А мужчина. Высокий и широкоплечий.

– Ты что это устраиваешь? – обратился он к Фабиану, который, втянув голову в плечи, проскользнул мимо него и исчез в теплой прихожей.

– Здравствуйте, – сказал я. – Я из тринадцатого дома.

Но он смотрел на меня как на психа.

– Зачем вы бегаєте в такую погоду?

– Фабиан стоял у нас на крыльце, он пришел и звонил, но звонок не работал.

Великан прищурился и, глядя на струи воды, заявил:

– Я закрываю, а то тут сейчас все промокнет.

Дверь захлопнулась, а я остался стоять на крыльце вопро- сительным знаком, мокрый как мышь, в дорогущей шапочке, которая должна дышать, которая должна была дышать, но на самом деле только страшно давила на лоб. Я почти добежал до туннеля мимо детской площадки и площади, когда наконец почувствовал, что мышцы достаточно поработали, после чего потрусил домой.

Уставший и промокший, ввалился в прихожую. Просто символ спортсмена-лузера.

В гостиной работал телевизор.

– Солнце, где ты? – крикнул я.

Никто не ответил.

Я спустился в хозяйственную комнату, чтобы бросить мокрое облачение в стиральную машину. Еле стянул прилипшие к телу тайтсы и беговой джемпер, надел мягкие спортивные штаны. А на обратном пути услышал незнакомый голос.

– Алло? Любимая? – позвал я снова.

Бьянка сидела в гостиной на диване и смеялась.

– Привет! – произнес я в третий раз.

Она вздрогнула и выпрямилась:

– Привет, дорогой! Промок?

В кресле напротив нее сидел Ула, сосед из четырнадцатого дома. Нога на ногу, в руках очки.

– Случилась ужасная вещь, – сообщила Бьянка. Смех исчез, теперь она невесело качала головой. – Улу ограбили.

– Что? В банке?

– Нет, – ответил Ула, – в центре Лунда, рядом со спорт-комплексом.

– Сегодня?

– Вчера вечером.

– Он вышел после тренировки, и на него напали два парня, – объяснила Бьянка.

Ула кивнул и продолжил:

– Внаглую, не таясь. Забрали кошелек и мобильный.

– Они были вооружены? – спросил я.

– Я не заметил, но у них могло быть что угодно – нож,

пистолет. Я просто им все отдал.

– Чудовищно. Как такое может быть? – Я похлопал его по плечу.

Мне нетрудно было представить, насколько это мерзко. В Стокгольме одного моего ученика ограбили и унизили несколько взрослых парней. Бедняга потом три месяца не мог ходить в школу.

– Врач дал мне освобождение от работы, – сообщил Ула, – и выписал успокоительное.

Последнее он проговорил так, словно ему было стыдно в этом признаваться.

– Когда стемнело, я вдруг почувствовал, что мне как-то не по себе, – признался он, – а сесть за руль я не могу из-за таблеток. Вот я и решил зайти к вам, чтобы немного поговорить.

– А иначе зачем нужны соседи? – проговорила Бьянка.

Ула улыбнулся. Знал бы он, что она думает на самом деле.

– Пойду приму горячий душ, – сказал я.

– Ну, мне пора, – сказал Ула, вставая с кресла. – Чувствую себя намного лучше. Спасибо за компанию.

Бьянка быстро коснулась его руки:

– Надеюсь, вы сможете заснуть.

Я вышел с ними в прихожую. Ула надел ботинки, пальто и шапку.

– Берегите себя, – произнес я.

Он благодарно кивнул, а Бьянка его обняла.

– Мне его жалко, – сказала она, когда он ушел. – Похоже, он довольно одинок.

Меня бы, конечно, больше устроило, если бы об Уле заботился кто-нибудь другой, но говорить об этом вслух было бы цинично. Раздевшись в ванной, я обвязался вокруг пояса полотенцем и вышел к Бьянке.

– Хочешь в душ вместе со мной?

Она улыбнулась, запустила руку под мою набедренную повязку и дразняще поцеловала.

– Идем!

Мы залезли в душевую кабину. Горячая вода лилась струями и рассыпалась брызгами.

– Представляешь, – сказал я, – у Жаклин был какой-то мужик. Он открыл, когда я привел Фабиана.

– И что? – ответила Бьянка. – Или ты думал, что она монашка?

– Нет, но...

Я и сам не понимал, в чем тут дело. Он просто вел себя как-то нагло.

– А ты знаешь, что между Улой и Жаклин что-то было? – спросила Бьянка.

– В смысле, что-то?

Они не пара друг другу.

– Да, именно это и было. Ула сказал, что, если бы не Фабиан, это могло бы быть что-то серьезное.

– То есть?

– Ула не выносит Фабиана.

Так себе объяснение. Такие, как Ула, у Жаклин наверняка не вызывают никакого интереса.

– Видимо, Фабиан плохо обращался с его котами, – сказала Бьянка. – Пинал их ногами и таскал за хвосты.

Я рассмеялся так, что вода попала в горло, и закашлялся.

– Взрослый дядька и котята.

Бьянка ущипнула меня за ягодицу, я поскользнулся, но не упал, удержавшись за ее плечи. Кончик носа Бьянки щекотал мне подбородок.

– Надеюсь, Ула не будет бегать к нам постоянно, – сказал я.

– Не страшно, – ответила Бьянка. – Он выглядит вполне приятным. А немного общения всегда полезно.

– Общания с соседями?

Она помолчала.

– Ну... Ула кажется хорошим.

– Кто ты такая? – пошутил я. – И куда ты дела мою жену?

18. Микаэль

После катастрофы

Пятница, 13 октября 2017 года

Еду домой из больницы на огромной скорости. Съезжаю с Е6, опасно перестраиваясь прямо перед круговым съездом на Чёпинге. Паркуюсь, вижу Улу.

– Как она? Послушай! Я должен знать, как она.

Закрываю за собой калитку, но Ула не оставляет попыток, подходит ближе и смотрит в щель между досками.

– Ее оперируют, – говорю я. – Больше ничего не известно.

Его глаза за очками округляются.

– Это серьезно.

Я разворачиваюсь к нему спиной и ухожу. Не хочу его знать.

Как только я захожу в дом, ко мне выбегают дети, и уже в следующую минуту мы все плачем на диване.

– Когда мы увидим маму?

– У нее на голове останется шрам?

– Они сбреют ей волосы?

Вильям и Белла непрерывно задают вопросы, я пытаюсь их успокаивать, хотя ни одного ответа у меня нет.

– Идите домой, – говорю я Гун-Бритт и Оке. – Спасибо за помощь.

– Если нужно, мы останемся, – отвечает Гун-Бритт.

Не нужно. Не хочу слушать ее странные обвинения. Я должен сам заботиться о собственных детях. Их мама лежит на операционном столе, и наше будущее неизвестно.

– Сюда едет сестра Бьянки, – говорю я. – А мы сейчас что-нибудь съедим и снова поедем в больницу.

– Сколько времени будет длиться операция? – спрашивает Оке.

– Неизвестно. Несколько часов. Потом понадобится время, чтобы она пришла в себя после наркоза.

Я спрашиваю у детей, помнят ли они тетю Сиенну. Вильям качает головой.

– Странное имя, – произносит Белла. – А у нее есть дети?

– Взрослые. Им лет по пятнадцать.

– Такие же, как Фабиан, – говорит Белла.

Да. Хотя надеюсь, не такие. Но вслух это, разумеется, не говорю.

– Кажется, я ее вспомнил, – говорит Вильям. – А зачем она едет?

– Она мамина сестра и беспокоится за маму.

– Я тоже, – говорит Белла.

Я обнимаю ее:

– Родная, мы все о ней беспокоимся.

Выхожу в прихожую, где Гун-Бритт надевает пальто.

– Как вы могли позволить этому случиться? – спрашивает она меня.

Оке открывает дверь и выходит на крыльцо, впуская в дом

холодный ветер.

– Прекратите! – перебиваю ее я.

На самом деле я не должен до этого опускаться, я сдерживаюсь, хотя у меня даже руки чешутся.

– Бьянка знала больше, чем вы думаете, – говорит Гун-Бритт. – Она как чувствовала, что что-то случится. Летом она...

– Замолчите!

Я не намерен говорить об этом. Бьянка постоянно была чем-то встревожена. Сколько я ее знал, она всегда была невротиком. К Жаклин это не имеет никакого отношения.

– Это был несчастный случай, – говорю я тихо.

Гун-Бритт застегивает верхнюю пуговицу на пальто. Делает два шага вперед и заглядывает мне в глаза:

– Вы действительно в это верите?

19. Фабиан

До катастрофы

Осень 2015 года

В тот вечер в маминой комнате прятался не папа. Иногда я так долго о нем думаю и так сильно скучаю, что сам себе что-то внушаю. Мне кажется, что я его вижу, слышу его голос. Однажды в магазине «ИКЕА» я подбежал к какому-то мужчине в полной уверенности, что это он. А когда тот повернулся, я увидел чужое лицо и закричал от разочарования и продолжал кричать, пока не прибежали охранники.

Петер похож на всех других мужчин, которых мама прятала в спальне. Накачанные мускулы и что-то опасное во взгляде. До них почему-то не доходит, что жизнь стала бы легче, если бы они выглядели немного добрее. Первую неделю она их прячет.

Всегда. Говорит, что не хочет, чтобы все случилось слишком быстро. Но потом верх берут эмоции. На этот раз все будет по-другому. Она чувствует это всем своим телом.

Ей надо больше думать и меньше чувствовать.

Если ты не владеешь собственными чувствами, то легко превращаешься в мишень. Я пока не знаю, что думать о Петере. Возможно, он ни капли не лучше остальных. Вскоре в прихожей появляются две золотые звезды, они свисают с потолка, и нельзя пройти мимо, не задев их. Их повесил Петер:

– Потому что вы – звезды моей жизни.

До тошноты слащаво, но мама как будто заколдована, ей кажется, что все, что он делает, так романтично. Петер работает в полиции и разрешает мне потрогать его пистолет. Он тяжелее, чем я представлял.

– Ты в кого-нибудь стрелял? – спрашиваю я.

– Только по ногам.

– А что этот человек сделал?

– Он угрожал ножом ребенку. – Петер смотрит на меня очень серьезно. – Потом я узнал, что он псих.

Я взвешиваю оружие на ладони:

– А ты мог бы кого-нибудь убить?

– Если бы это был мой долг. Можно попасть в ситуацию, когда у тебя нет выбора.

Мне кажется, он бы не колебался. В действительности я хорошо знаю людей. Интересно, а мама видит то же, что и я?

Во всяком случае, ей не нравится, когда Петер приходит в форме и с оружием. Вдруг соседи подумают, что она преступница. Он над этим смеется, целует в шею и говорит:

– Моя звезда!

И тогда я представляю, что он – это папа. Меняю его грубое лицо и железный взгляд на папины круглые щеки и широкую улыбку. Его руки испачканы машинным маслом, он держит гаечный ключ, а на коленях пятна. Папа проводит половину жизни, лежа под подвешенными автомобилями или под капотом «шевроле» или «студебеккера».

У меня есть две его фотографии, я храню их в моей комнате в запертом ящике.

– Твой папа любит кабриолеты, – сказала мне как-то мама, зайдя пожелать спокойной ночи. Мы сидели на кровати и рассматривали снимки. – Даже когда шел дождь, мы ездили без крыши.

Я отчетливо представляю себе, как мамины волосы развеваются на ветру, а ее рука лежит на рычаге переключения передач поверх папиной. Хайвей Номер Один под палящим солнцем Калифорнии.

– Почему он не поехал с нами в Швецию? – спросил я.

Мама всегда грустнеет, когда я говорю об этом.

– У него была его мастерская. И очень пожилая мама.

Он остался, чтобы заботиться о бабушке. Мама говорит, что мои музыкальные способности от нее.

– Она часто сидела на веранде в кресле-качалке, играла на губной гармошке и пела кантри.

Я тоже люблю кантри. И немецкий синти-поп.

А Петер не любит ничего, кроме тяжелого рока. И слушает его на максимальной громкости, когда приезжает сюда по вечерам. Оке и Гун-Бритт уже жаловались.

– Пусть немного потерпят, – сказал Петер. – Тут им не дом престарелых.

Я согласен.

Оке и Гун-Бритт все время ноют. И считают себя хозяевами всего только потому, что прожили здесь дольше, чем все

остальные. Бенгт над ними посмеивался, называл их старперами. Смешно, потому что Бенгт был ровесником Оке. Но только по документам, добавлял он всегда.

Я сомневаюсь насчет Петера, но мама думает, мы должны дать ему шанс. Хотя прикольно, конечно, что он из полиции. Можно кататься на полицейской машине. «Вольво V70», двести сорок пять лошадиных сил...

В среду я прихожу из школы и слышу рассерженный мамин голос. В прихожей позвякивают звезды, но машины Петера во дворе нет. Может, они разговаривают по телефону? Прошло несколько недель, и это теперь нормальный тон.

– Ты не понимаешь слова «нет»? Я не хочу иметь с тобой ничего общего. Для меня это уже в прошлом!

Снимаю куртку, стараясь не шуметь, и проскальзываю в гостиную. Как только мама замечает мое присутствие, она замолкает. Но рядом с ней, скрестив на груди руки, стоит не Петер, а наш сосед. Ула.

Я смотрю на него не отрываясь.

Он что, до сих пор не просек, что маму надо оставить в покое?

– Ула уже уходит, – объявляет она.

Я молча провожаю его взглядом, пока он идет в прихожую. В дверях он приостанавливается и слегка кивает маме.

– А где Петер? – спрашиваю я позже.

Просто чтобы она о нем не забыла.

Потому что выбор между Петером и Улой однозначен.

Ула – идиот.

20. Жаклин

До катастрофы

Осень 2015 года

Родители учили меня быть хорошей девочкой, молчать и не суетиться, изящно кивать головой в приветствии и улыбаться. Убеждали, что важно быть красивой, милой и ни с кем не ссориться. Но ничего не объясняли о любви.

– А как узнать, что ты кого-то любишь? – в третьем классе поинтересовалась я у мамы.

Она посмотрела на меня своим особенным, бесконечно удивленным взглядом, который как бы означал «я-не-понимаю-кто-ты-такая-и-что-ты-тут-делаешь».

– Ты это сама поймешь, – сказала она. – Не беспокойся об этом.

До этих слов я и не беспокоилась, мне было просто любопытно, но теперь я сообразила, что любовь – это нечто такое, о чем надо бы беспокоиться. В общем, все второе полугодие третьего класса я пыталась влюбиться.

Первое чувство обрушилось на меня как раз тогда, когда мне исполнилось десять. Это было как болезнь. Я заразилась, и примерно через неделю в теле поселилась эта восхитительная щекотка. Взгляд, слово, жест, которым он поправлял волосы. Любая мелочь вызывала во мне целую бурю.

Я быстро научилась любить саму влюбленность. Но так и

не научилась любить по-настоящему.

Сейчас мне почти сорок, и я снова влюбилась.

Петер вломился в мою жизнь и все изменил.

– То есть как – торопимся? – недоумевал он. – Нельзя все на свете запланировать. Ты влюбляешься – и все!

Он бомбил меня эсэмэсками: громкими словами и тучей сердечек. Пригласил в греческий ресторан в Лунде и всю дорогу держал за руку. Целовал так, словно собирался съесть.

– Но если ты ничего такого не чувствуешь...

– Чувствую, – ответила я; его рука лежала на моем бедре. – Я чувствую то же, что и ты.

Сама ситуация опьяняла. Петер сделал меня снова живой, какой я не была несколько лет. Мне нужно было притормозить и рискнуть жить здесь и сейчас. Вернуться к себе самой, к своей ДНК. Для того чтобы почувствовать себя живым, одному человеку нужно чуть меньше, другому чуть больше. Мне же нужно все.

Петер отвез меня к морю. Мы играли в мини-гольф и ели мягкое мороженое, одну порцию на двоих. Мне нравилось, как он держит меня за руку, чуть крепче, чем надо, как будто боится потерять. И как он начинает обнимать меня, только заметив на мне чей-нибудь взгляд.

И с Фабианом они вроде поладили. Разумеется, все произошло слишком быстро, но казалось многообещающим.

– Мама, – сказал как-то утром Фабиан, – мне не нравится

Ула.

Сказал просто так, ни с того ни с сего.

– Почему ты вдруг вспомнил об Уле?

Может, потому, что мы сидели за столом на кухне и видели в окне забор, разделявший его и наш участки?

– Я вспомнил о нем, потому что он мне не нравится. Очень трудно прекратить думать о людях, которые тебе не нравятся.

Иногда он рассуждал намного мудрее меня.

– Я тоже от него не в восторге, – честно призналась я. – Так что выбрось его из головы.

Заводить отношения с соседом было вообще неправильно. Наивно. Ула и Фабиан начали конфликтовать с первого дня.

– Петер лучше, – заявил Фабиан.

Это согревало. Надежда жила.

– Конечно лучше.

Фабиан закончил завтрак, перекинул через плечо школьную сумку и поехал на велосипеде в школу.

Позже в тот же день мне оттуда позвонили, в очередной раз. За все это время бесед, писем и вызовов было так много, что я, если честно, смирилась. Хотя противно, конечно, когда на тебя показывают пальцем и сомневаются в твоих родительских качествах. Конфликт с одноклассницей, сообщил мне в тот раз директор. Ну и разбирайтесь сами, это же ваша обязанность – так и подмывало меня ответить.

– Я пойду с тобой, – сказал Петер, увидев, что я волнуюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.